

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ

ЛИТЕРАТУРА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ!

Слабое место жесткого диска

Реальное преступление -
виртуальное расследование!

Петр Северцев

Слабое место жесткого диска (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972955

Слабое место жесткого диска: Повести: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-14605-9

Аннотация

Представьте: вы провернули выгодное дело, решили вместе с деловым партнером расслабиться, пригласили в гостиничный номер четырех отличных девушек, на минутку вышли, а когда вернулись, то увидели, что ваш партнер лежит с перерезанным горлом, девушки исчезли, нет и кейса с кругленькой зеленой суммой. И ни телохранители, маячившие в коридоре, ни служащие гостиницы ничего не видели. Надо срочно обращаться к частному сыщику Валерию Марееву. Он и его комп Приятель с наикрутейшим апгрейдом вам помогут. Они найдут девушек, проведут с ними незабываемую ночь (Валерий), вычислят убийцу (Приятель), поучаствуют в неслабой разборке с метанием ножей и стрельбой (Валерий), взломают пару-тройку программ (Приятель) и опять будут готовы к новым расследованиям.

Содержание

Слабое место жесткого диска	5
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Петр Северцев

Слабое место жесткого диска (сборник)

© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Слабое место жесткого диска

– Мое имя все равно ничего вам не скажет, так что представляться я не буду. Хотя... можете звать меня Наташей. – Вот так она и начала наш разговор, а я не знал, что мне делать: выпасть в осадок от ее сражающей наповал красоты, или краснеть за свою кухонную захламленность.

– Извините, у меня не убрано... – сконфуженно начал я, указывая на дурацкий старый диванчик.

– Видала я и гораздо хуже, – категорично ответила она без тени улыбки, поводя голыми плечами (ее наряд заключался именно в оголении различных фрагментов тела, оттого, наверное, и тянул, даже на мой неопытный взгляд, на полновесную пару тысяч баксов). Затем села на табурет у стола, складывая ноги таким образом, что я также поспешил сесть...

– Вам чаю, кофе?

– Есть «Гордонс»? – спросила она. А когда я облизал пересохшие губы, вспоминая, что это: джин или виски, кивнула и несколько сочувственно добавила: – Вот и хорошо... ненавижу я его: все время поят и поят... ладно, ничего не надо. Не на приеме.

«Ну, хорошо, – подумал я, беря себя в руки и прицениваясь к пришедшей, – по виду ты крута, посмотрим, что будет дальше».

По виду она действительно была крута, если за крутостью

считать доход и успех в жизни. О неприхотливом, черном с блеском платьице я уже упомянул, но человеку, понимающему толк в драгоценностях, многое сказали бы и колье, искрящееся даже в свете моей запыленной лампочки, и тяжелый золотой браслет с какими-то узорами и самоцветами, обвивающий тонкую руку... и серьги – две свисающие с мочек сапфировые капли в тонкой серебряной оправе.

Но гораздо больше отягощающих стройное влекущее тело драгоценностей сообщал о пришедшей ее голос: глубокий и слегка хрипловатый, одновременно спокойный, даже можно сказать, прохладный и вместе с тем влекущий, и ее взгляд – взгляд женщины, привыкшей отдаваться.

Как она сказала? «Я видала и похуже»? Не сомневаюсь, особенно после книги «Мадам», откровений хозяйки одного из лучших публичных домов мира, которую я прочел еще несколько лет назад в поезде – всего за две станции.

Да, в свои лет тридцать-тридцать пять выглядела она весьма дорогой. Я бы даже сказал – шикарной и элитарной. Возможно, конечно, чьей-то женой... но свобода, даже некоторая скрытая развязность выдавали в ней женщину, не стесненную узами...

«Интересно, что бы сказал Приятель, приняв описание этой Наташи? Также очень интересно, не заклинило бы его кулер от слишком частых вздохов и не впал бы он в состояние транса, вытащить из которого Приятеля возможно лишь трехпальцевым салютом или волшебной кнопкой «reset»?

Нет, мой компьютер, если когда и зависнет, встретив девушку своей мечты, то уж точно не при виде человеческой самки. Его волнуют куда более возвышенные вещи: например, новый процессор с невменяемым размером кэша, который, говорят, скоро выпустит в продажу корпорация «AMD». Разумеется, как только такая штука появится в пределах досягаемости, Приятель заполучит ее сразу же, и пусть наслаждается электронным сексом на предельной скорости!.. А пока пускай радуется «обычным» образом.

– Итак, – спросил я, вытирая проступивший на висках пот близлежащим полотенцем, – я вас внимательно слушаю.

– Да говорить мне, в общем-то, особенно нечего. Наслышана о ваших талантах частного сыщика. Знаю, что вы давным-давно отказались от дел типа «пропала собака». Но все-таки мне нужна помощь именно в таком деле. На первый взгляд может показаться, что оно слишком простое, но на самом деле здесь есть две странности. Из-за них, собственно, я обращаюсь к чужому человеку, вместо того чтобы посылать на дело своих ребят... Я понятно выражаюсь?

– Вы хозяйка публичного дома? – тактично спросил я.

– Ага, – изысканно ответила она, кивая. – У меня пропали четверо девушек, причем я точно знаю, что трое дурочек пошли за одной сукой по глупости и по молодости. Наслушались баек! – Она гневно изогнула брови. – Так вот, сбежали они позавчера. Мы, разумеется, сразу же спохватились, – тем более что не спохватиться было нельзя, – и послали своих

людей на розыски. – Она глянула на меня, словно предлагая довершить недосказанное одной меткой фразой.

– И они никого не нашли? – предположил я.

– Конечно, – кивнула она. – Но не это самое странное. Самое странное заключается в том, что нашли их. Четверых здоровенных лбов – один инструктор ушу, двое боксеров, один тхэквондист... – так вот, их всех порезали. И штабелем сложили в подвале.

– Погодите, – опешил я, – вы заказываете расследование побега или убийства?

– Я просто поторопилась, – более спокойно заметила она, прикусывая нижнюю губу. – Давайте, я расскажу все с самого начала... Можно закурить?

– Конечно, курите.

Она извлекла из черной сумочки что-то изящное и микроскопически тонкое, что на французском языке называлось «Vogue», зажгла от собственной зажигалки «Zippo-Gold» и, затянувшись, выпустила струю сизого дыма, обладающего тонким ароматом, несравнимым с моими любимыми «Sovereign».

– Так вот, – продолжила Наташа, щелчком пальца стряхивая пепел в услужливо подставленную мной чугунную пепельницу, – начать нужно не с побега, а с условий заказа. Началось все около недели назад, когда мне позвонил один важный человек, который является нашим клиентом уже несколько лет, и заказал четверых девушек на определенное

время в определенное место. У него, как он сам мне сказал, должна была состояться важная деловая встреча, по итогам которой мог возникнуть крутой деловой партнер. Так он хотел сразу же после деловой части устроить банкет, а потом, ближе к утру, вместе с этим новым партнером порезвиться с девочками. Мы все обговорили, она заплатил полную стоимость, и я этих четверых в нужный час отправила. Конечно, с охраной, как всегда в таких случаях.

И случилось так, что через два часа после того, как все шестеро заперлись в гостиничном номере, этому новому партнеру понадобилось съездить за какими-то документами, о которых оба забыли. Он поехал. А когда через полчаса вернулся, девушек и в помине не было. И никто не понял, как они ушли, потому что внизу была охрана из моих ребят, а у самых дверей – трое телохранителей нашего старого клиента. Окно, правда, выводит к пожарной лестнице, но она ведет только до второго этажа, и там обрывается. Кроме того, чтобы выйти из комплекса, необходимо пройти проходную, где бы их точно запомнили, потому что каждую знают в лицо... А куда они могли деться с крыши, один черт знает!

– А сам клиент? Он что, спал?

– А сам он валялся с перерезанным горлом! – ответила Мадам, яростно меняя позу и заново переплетая ноги. – Причем, по словам иногороднего партнера, которому нет смысла врать, когда он уезжал, в номере оставался кейс с деньгами для проплаты за ушедшие из Тарасова товары!

И в этом кейсе было ни больше ни меньше сто пятьдесят тысяч долларов! И они, разумеется, исчезли. Причем папаша убитого грозитя в скором времени стереть меня в порошок, а никто из моих ребят, и даже из тех, кто работает на мою крышу, не может найти и следа четырех баб-неумех! А троих телохранителей и частного детектива, который работал на этого самого папашу, буквально вчера зарезали – смертельные ножевые ранения! Тьфу! – Она выругалась, смяла сигарету и, сцепив руки на колене, застыла, устремив мрачный, полный негодования взгляд в мои потрепанные занавески.

– Вот как... – задумчиво сказал я. – Очень интересно.

– Да ничего интересного, – нервно ответила Наташа, снова закуривая. – Основной интерес в том, что две машины, везшие купленный за эти сто пятьдесят тысяч долларов товар, исчезли где-то на полпути из Красноярска в Тарасов – так же не далее, как вчера. То есть обе стороны оказались обуты на сто пятьдесят тысяч баксов каждая, причем тарасовская потеря на четырех девчонок и пятерых мужиков больше... – Она внимательно посмотрела на меня, словно желая убедиться, адекватно ли я воспринимаю всю остроту потери тарасовским населением всего вышеперечисленного?

– Насколько я понял, – кашлянул я, закуривая, вы пришли ко мне не потому, что вас очень волнует жизнь этого клиента или пропажа машин и денег. То есть я, конечно, понимаю, что угрозы этого самого Папаша чего-то стоят, но вряд ли даже самому важному человеку так легко расправиться с

женщиной, которая работает на некоторых других, не менее важных людей. Кроме того, даже дураку ясно, что вы здесь ни при чем. Так, может, вы расскажете все до конца?

– Расскажу, – кивнула она, отложив сигарету и впервые прямо взглянув мне в глаза, с каким-то лазоревым оттенком грусти. – Все очень просто. В то время, как сбежали четверо этих, прости, господи, проституток, куда-то делся и мой мужчина. Человек, которому я доверяла практически полностью. Уже несколько лет. Он знал почти все тонкости моих дел. И если пятьдесят процентов моих предположений рисуют его как жертву каких-либо обстоятельств, то другие пятьдесят указывают на то, что именно он был организатором убийства, побега и похищения. И я внутренне готова принять любую из версий. А вас, Валера, я хочу нанять для розыска этого мужчины... равно, как и четверых сбежавших баб.

– Вы знаете, – ответил я не колеблясь, – другому человеку я сказал бы «нет», потому что не в моих правилах заниматься подобными делами. Но в том, что вы мне рассказали, есть много вопросов и загадок, делающих это дело нетривиальным. Поэтому, если вы обязуетесь правдиво отвечать на мои вопросы, я скажу вам: «Согласен».

– Да вы спрашивайте, Мареев, – спокойно кивнула она.

– Во-первых, полные данные об убитом, его деловом партнере, включая виды деятельности и, если знаете, контактные адреса; во-вторых, подробная информация о сбежавших де-

вицах, и, в-третьих, пояснее о трупах, посланных на их розыски. Пока это все.

На более менее подробный и полезный рассказ у нее ушло немного времени – минут десять – она говорила отрывистыми лаконичными фразами.

В результате я знал, кто такие сбежавшие девицы, откуда они взялись в лучшем публичном доме Тарасова, какие у них пристрастия, и подробнее про главную беглянку – Катю, «суку, каких свет не видывал!».

Однако об этом самом убитом клиенте и его отце, равно как и об иногороднем партнере, она говорить отказалась.

– Валера, вам нет надобности раскрывать дело об убийстве! Поймите, это люди, с которыми лучше не сталкиваться! Вы их не знаете, и они вас не знают – так-то лучше.

– Если этого вашего предпринимателя кончили беглые проститутки, – резонно возразил я, – значит, они причастны к этому делу. А может вообще быть так, что они сговорились с деловым партнером и убили человека. Деньги-то немалые! А значит, искать их нужно, привязываясь к этому убийству, потому что иначе вероятность поиска сводится к нулю!

– Ну, вот что, – сердито ответила она, подумав, – попробуй так, Мареев. А если не получится, позвонишь вот по этому номеру, – подала замысловатую визитную карточку, – и поговорим отдельно.

– Ну, хорошо, – согласился я, принимая визитку и понимая, что спорить с Мадам бесполезно. – Давайте мне фото-

графии девушек, и я берусь за ваше дело, начиная с момента выплаты аванса и с подписания договора.

– Где расписаться? – лаконично спросила она, протягивая несколько фотографий с карандашными пояснениями на обратных сторонах. – Девушек звали Маша, Марина, Катя и Ирочка.

Я подал типовые бланки, в которых была проставлена некоторая, не слишком большая сумма, и зачитал договор вслух, чтобы избежать возможных претензий впоследствии.

– Путано, – пожала плечами Наташа, – давай сюда, подпишу.

– Ты понимаешь, надеюсь, что проставленная сумма не более чем формальность? – спросил я, переходя на «ты» и придерживая документ рукой.

– Я что, похожа на идиотку? – взглянула она так, что я тут же опустил взгляд. Черт, холостяцкая жизнь накладывает определенный отпечаток!

– Двести баксов в сутки, с учетом накладных расходов, отдельно лечение, если что, и вознаграждение по триста за каждую, которую вернешь. За Катеньку – пятьсот!.. Если найдешь след кейса с деньгами, разговор будет отдельный... Да, должна предупредить, – она уставила буравящий взгляд прямо в мои глаза, – люди, которые занимаются поиском денег и пропавших машин, очень плохо отнесутся к тебе, если ты найдешь деньги и умудришься присвоить. Тогда можешь рыть себе могилу.

Угроз я не люблю. И не потому, что они меня задевают, и даже не потому, что угрожающая женщина, на которую мое тело реагирует гораздо лучше, чем разум, унижает меня своим недоверием, – а прежде всего потому, что угрожающий чувствует за собой силу, которая, если оставить угрозу без ответа, может перерасти в презрительность.

– Так не пойдет, – негромко, но твердо сказал я.

– Что именно? – спросила она, напрягшись.

– Я мог бы ответить, что сдам материалы расследования в ФСБ, например. Или элементарно в УГРО. Вы все еще хотите угрожать?

– А ты хочешь связываться с ТЕМИ ЛЮДЬМИ?

– Я хочу выполнить дело и получить деньги. Свои, причитающиеся мне по договору деньги. Поэтому хотел бы поддерживать нормальные деловые отношения. И не надо брать меня на испуг.

– Да я так, по-дружески предупре... сказала, – пожала плечами сообразительная Наташа. – Не хватало еще угрожать, – взгляд ее сделался дружелюбным, даже несколько кокетливым.

– Вот и замечательно, – ответил я. – Тогда, может, выпьем кофе?

– Давай, – кивнула она и открыла сумочку, вынимая пачку зеленых банкнот и отсчитывая аванс. – Значит, двести в сутки... Я дам тебе на четыре дня вперед. Надеюсь, хватит?

– Хватит, – кивнул я, – в случае чего – позвоню. Кстати,

вот возьми мою визитку. Здесь номер сотового. – Она приняла отпечатанную на принтере и заламинированную тут же карточку. – Тебе сколько сахара?..

До дивана у нас не дошло. Ну нет у меня талантов соблазнителя, несмотря на проницательный ум, умение шутить и некоторое обаяние. Она просто выпила причитающийся ей кофе, посмеялась в ответ на мои старания и распрощалась, догадливо велев не забивать голову посторонними мыслями, а заняться исключительно делом.

Я и занялся.

ПРЕДСТАВЬТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА!

– Добрый вечер, Приятель.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОПОЗНАН. ПРИВЕТ, ХАКЕР!

– Хочу подбросить тебе информацию.

ИНФОРМАЦИЯ. СПОСОБ ПОДАЧИ: КЛАВИАТУРА, СКАНЕР, ВИДЕО, РЕЧЬ?

– «Речь».

ЗВУКОВОЙ АНАЛИЗАТОР ПОДГРУЖЕН РЕЗИДЕНТНО. ГОВОРИТЕ.

– Есть дело, – поведал я. – Суть: побег четверых женщин из публичного дома, где они занимались проституцией. Вместе с их исчезновением пропал дипломат со ста пятьюдесятью тысячами долларов. Это произошло позавчера. Слушай приметы убежавших и адрес заведения...

Додиктовав до конца, и подав через сканер фотографии проституток, я «энтернул» и пошел было на кухню доканчи-

вать свой затянувшийся завтрак, как вдруг атлон сзади резко и громко запищал, выражая свою озабоченность.

Я повернулся и узрел поверх синего экрана красный прямоугольник, означавший важность сообщения. Но на сей раз, когда я нацепил очки и пригляделся, вместо сообщения увидел вопрос.

КТО ХОЗЯИН УКРАДЕННЫХ ДЕНЕГ?

– Хозяин неизвестен, – поперхнувшись, ответил я.

Миг спустя красный прямоугольник убрался восвояси, а атлон продолжил размеренное неторопливое шелканье.

Я все же отправился на кухню, но уже за порогом комнаты в моей голове что-то щелкнуло, и на всех парах я подскочил к компьютеру.

– Приятель, стоп! – все-таки иногда я умел мыслить всего раз в десять медленнее его!

Жужжание смолкло; лишь шелестел почти неслышно недавно купленный основной вентилятор моего компа: Приятель ждал.

– Неправильные данные, – сосредоточившись, начал я. – Хозяин украденных денег неизвестен мне. На самом деле он существует... – Я собрался было говорить дальше, но в горле от волнения стало совсем сухо, я сглотнул, и тут же на экране вновь появился запрос в красной рамке:

ОН ЖИВ?

– Он мертв. Причина смерти – резаная рана на горле.

ЛИЧНЫЕ ДАННЫЕ?

– Мне неизвестны, – ответил я. А затем изложил Приятелю все, что знал, про ситуацию убийства, делового партнерства и пропажи двух машин...

ДАнные ВКЛЮЧЕНЫ В СХЕМУ. ПРОДОЛЖАТЬ АНАЛИЗ?

Не в силах более сказать ни слова, я снова клацнул кнопкой «enter».

И отправился на кухню в подавленном настроении, в который раз убеждаясь в гениальности собственной программы.

Приятель закончил свой анализ минут через двадцать, перебрав, наверное, все не слишком многочисленные похожие дела в своей памяти и продумав самые вероятные схемы происходящего.

АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:

– СОЗНАТЕЛЬНОЕ СПЛАНИРОВАННОЕ УБИЙСТВО (ОЧЕНЬ ВЕРОЯТНО УЧАСТИЕ «ДЕЛОВОГО ПАРТНЕРА») – 40 %;

– СПОНТАННОЕ УБИЙСТВО С ЦЕЛЬЮ ОГРАБЛЕНИЯ – 25 %;

– «ДВА В ОДНОМ» (СНАЧАЛА ПОБЕГ ПРОСТИТУТОК С ПОМОЩЬЮ ПОДВЕРНУВШЕГОСЯ «ДОБРОГО КЛИЕНТА», ЗАТЕМ УБИЙСТВО ЭТОГО КЛИЕНТА ПОСРЕДСТВОМ ВМЕШАТЕЛЬСТВА СИЛЫ, НЕ ВХОДЯЩЕЙ В ПРЕДЛОЖЕННУЮ СХЕМУ ДАННЫХ – 15 %;

– РАЗБОРКА МЕЖДУ ТОРГОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ

(ПОД ПРЕДЛОГОМ ПЕРЕДАЧИ ДЕНЕГ ЗА ОТПРАВЛЕННЫЙ ТОВАР УБИЙСТВО ПОСТАВЩИКА И ПОБЕГ С ПРЕДНАЗНАЧАВШИМИСЯ ДЛЯ ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕНЬГАМИ) – 18 %;

– ЗАКАЗНОЕ УБИЙСТВО КЛИЕНТА ПУБЛИЧНОГО ДОМА НАЕМНЫМИ УБИЙЦАМИ, ИСПОЛНЯЮЩИМИ РОЛЬ ПРОСТИТУТОК (ТОГДА 96 % ВЕРОЯТНОСТИ, ЧТО В ДОЛЕ САМА «МАДАМ») – 2 %.

Когда я подтвердил Приятелю, что чтение закончено, первая табличка сменилась следующей:

АНАЛИЗ МОТИВОВ:

ПАРТНЕР, ВЕРСИЯ 1 (РАЗБОРКА МЕЖДУ ГРУППИРОВКАМИ) – 20 %.

ПАРТНЕР, ВЕРСИЯ 2 (ЛИЧНЫЙ МОТИВ – АЛЧНОСТЬ) – 30 %.

ЖЕНЩИНЫ, ВЕРСИЯ 1 (ОРГАНИЗОВАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, МОТИВ – АЛЧНОСТЬ) – 28 %.

ЖЕНЩИНЫ, ВЕРСИЯ 2 (НАЕМНЫЕ УБИЙЦЫ) – 2 %.

СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ ПОБЕГА С УБИЙСТВОМ – 20 %.

Итак, процент совпадения был очень высок.

– Работай над советами, – пожав плечами, сказал я и откинулся на спинку своего рабочего кресла. Мыслей было много, но основная из них – кто же все-таки убитый, и кто его партнер?

Только через минуту я вспомнил, что Приятель не выдал

ничего по поводу местонахождения украденных денег и пропавших машин.

Открыв дополнительное окно, что, в принципе, совершенно не мешало основной нынешней деятельности Приятеля – непрерывному анализу данных, – я принялся набивать дополнительные запросы в скриптовый файл. Туда вошли основные команды: продолжать анализ, пытаться «заочно» отыскать деньги и товары, проверить личность «мадам» и предоставить мне основные ее личные данные: а что характеристика этой великолепной дамы, столь увлекшей меня перед завтраком, есть в памяти моего компа, куда, в общем-то, входили самые известные люди нашего городка, я совершенно не сомневался.

– Пи-и-ип! – торжественно и требовательно выдал Приятель, не успев я закончить свои записи.

– Вот тебе и «пи-и-ип»! – клацнув «enter», соорил я гримасу. – Ну, что у тебя там?

Вот что там было:

1. ОКОННЫЕ РАМЫ СКВОЗЯТ;
2. ПРОВЕРЬ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО АВТОСТОПА;
3. УЗНАЙ, ЖИВ ЛИ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ОГОРОДНИКОВ;
4. ИДИ К ЧЕРТУ НА РОГА.

– Чего-о-о? – во весь богатырский голос спросил я. Наверное, именно от богатырского усилия вышло очень сипло

и щедеушно.

Приятель молчал.

– Монитор перекошенный, ты чего мне тут написал?! У тебя процессор сгорел, всю память кулером высосало?! – заорал я, придя в себя.

Действительно, сейчас в голову приходило лишь это. Ведь мог же мой компьютер заиклиться, сломаться, перегреться от постоянной работы... или не мог?..

Несмотря ни на что, более безумной программы действий я еще не встречал. Даже предвыборные платформы большинства депутатов и иных представителей власти выглядели осмысленнее...

«Проверить правильность указаний» – набрал я и замер, ожидая.

Приятель постучал, помигал секунд десять, мерцая синим проверочным экраном, но затем снова врубил красную табличку советов.

На сей раз «ИДИ К ЧЕРТУ...» было выделено жирным шрифтом. Подавив яркое и четкое желание грохнуть монитором об пол, несмотря на стоимость последнего апгрейда, перевалившую за полторы тысячи баксов, я закрыл глаза, сосчитал до десяти... затем от десяти до одного... и, открыв, попытался взглянуть на советы осмысленно, как бы с другой стороны. Так сказать, метафорично...

И через некоторое время узрел-таки в двух из четырех предложений некоторый скрытый смысл.

Самой простой в этой цепочке интеллектуальных высказываний казалась рекомендация узнать, жив ли Павел Петрович Огородников – очевидно, по каким-то каналам, перечислив всех основных деятелей города Тарасова, Приятель выбрал из них наиболее подходящего на роль погибшего «клиента» Мадам Наташи – некоего Павла Петровича. Мне предстояло узнать, жив ли он, и, если уже покинул наш мир, приблизиться к реалиям его убийства значительно теснее, чем это мне позволила сделать Наташа. Возможно, Приятель ждал от таких действий полезной информации... а может быть, чего-нибудь еще, чего точно – угадать было трудно.

Второе указание: «Проверь особенности российского автостопа», по-видимому, направляло меня на поиск двух пропавших автомашин с товарами.

Кстати, уже из этих двух советов очень даже следовало, что Приятель всерьез полагал связь между пропажей девочек и убийством. Мне предстояло в этом конкретно разобраться.

Но что значили «сквозящие рамы» и уж совсем прелестное «иди к черту», я понять совершенно не мог.

Ну что ж, приходилось снова идти на поводу у собственной компьютерной программы, как это бывало все чаще и чаще с ее постоянным самосовершенствованием...

Ладно, анализ данных с целью выяснения новых возможностей и уточнения уже выясненного все еще шел в электронных недрах Приятеля, и до тех пор, пока последний

неизученный процент не уляжется в строгую и ясную схему «Дело №», компьютер не будет знать покоя.

А мне необходимо заняться делом.

Цель, которую предложил Приятель, отличается оригинальностью: как узнать, жив ли этот самый Павел Петрович? Если бы в последней электронной прессе или средствах массовой информации, выходящих, кроме бумажного, еще и электронным тиражом, а оттого доступных Приятелю, хотя бы промелькнуло имя Огородникова и указание о его скорбной судьбе, комп не стал бы загружать меня. Значит, упоминание необходимо искать самому.

Газеты? Черт, как распустились за последние восемьдесят лет мои соотечественники: зачастую официальные некрологи стали совершенно необязательным делом!

Что делать?

Искать методом научного тыка.

Практическая деятельность частного сыщика научила меня запасливости: каждый из экземпляров более тридцати городских, областных всероссийских газет за последние два года хранился в чулане.

Дело громоздкое, пыльное – но очень нужное. Честно говоря, с помощью сканера да собственного программного обеспечения я собирался со дня на день перенести информацию из газет в несколько лазерных дисков, вводя информацию в Приятеля через сканер... Вот уже год, как собирался.

Да все руки никак не доходили.

Поэтому пришлось снимать с газетных подшивок полиэтиленовое покрывало и вытаскивать самые последние материалы, разыскивая некролог, статью о преступлении, заявление об исчезновении или просто упоминания о смерти.

На это у меня ушло три с половиной часа...

Оказывается, за последние три дня в области отдали богу души аж два различных Огородниковых, среди которых был аж один Павел. Но ни одного Павла Петровича!

И лишь под конец, когда я в шестой раз поклялся заняться газетами, как только получу такую возможность, мой взгляд остановился на не слишком большом, но украшенном фотографией интервью «Пожар спасает банк» с подзаголовком «Петр Аркадьевич Огородников, президент акционерного страхового общества «Тарасов-Айнэ» ведет расследование...» Если искомый – Павел ПЕТРОВИЧ, то не Петром ли зовут его отца? Наверное, не так уж и много в городе Огородниковых, которые могли бы заниматься серьезным бизнесом, руководя большими деньгами. Ну-ка, ну-ка, что там у нас?..

С интересом вчитавшись в статью, я расплылся в улыбке и приказал Приятелю подготовить сканер для «подброса информации». И дал ему статью на растерзание.

Приятель попищал, пожужжал и выдал сообщение, что сканирование и запись завершены.

РАБОТАТЬ В ДАННОМ НАПРАВЛЕНИИ?

«Yes!» – радостно ответил я, и отключил монитор.

А сам начал торопливо собираться – ведь до встречи с акционерами, о которой упоминалось в статье и на которой я сам надеялся пролить хотя бы каплю света на творящиеся вокруг безобразие и неизвестность, оставалось всего несколько минут!

Моя автомашина, в отличие от электронной, совершенно не последнего поколения и совсем не соответствует моим запросам. Но тратить тысяч восемьсот на что-нибудь более или менее хорошее, типа «БМВ» Коляна, в то время, как технологии совершенствуются практически ежедневно и постоянно приходится идти на апгрейд Приятеля, я не могу.

Приходится обходиться бензинопахнущей и словнобабахтующей отечественной особью.

Я ее не люблю.

Но все время пользоваться тачкой Коляна не по-соседски, как бы хорошо он ко мне ни относился. Поэтому, проверив, что бак заправлен хотя бы наполовину, я и отправился по указанному адресу.

Сотовый телефон и статью на всякий случай прихватил с собой.

Читать в дороге было опасно: я не Гай Юлий Цезарь, да к тому же ГАИ не дремлет, а мне надо торопиться.

Значит, просто перевероршим содержание интервью в сознании... чтобы получше проработать программу действий.

Итак, недавняя попытка банка «Эко-Волга» устроить пожар, чтобы уничтожить реальные показатели своего дохода

и получить страховку в несколько десятков миллионов от фирмы «Тарасов-Айнэ», не увенчалась успехом. Господин Огородников, Петр Аркадьевич, просек нехороших молодых людей тут же и, проведя собственное частное расследование пожара, как это и принято у нормальных страховых фирм, выяснил, что дело нечисто. Поторопившись дать официальное разоблачение, что вообще-то довольно странно – обычно ведь сначала происходит милицейское расследование! – он еще и пресс-конференцию устроил для клиентов фирмы и посторонних желающих. Впрочем, все это очень походило на рекламную кампанию, а значит, Огородников просто воспользовался случаем с банком, чтобы привлечь внимание клиентов: мол, у нас компания преуспевающая, первый класс, идите к нам.

Думаю, горе Огородникова, если это он в столь недавнем прошлом потерял сына, достаточно известно. Но я, если честно, утруждался сейчас умственной трепотней: вместо того, чтобы просчитывать варианты, пытаться понять, какие мотивы могут двигать отцом, только что потерявшим сына и устраивающим встречу с клиентами и акционерами, я просто философски размышлял о российском бизнесе.

Не-е-ет, эта гладкая железка, стоимость которой превосходит любое человеческое разумение, окончательно притупила мою проницательность. Я слишком привык полагаться на безошибочный расчет Приятеля, на его электронный интеллект. Случалось уже не раз – думать самому не надо: вы-

полный простые инструкции Приятеля да живи припеваючи, трать гонорары... В такие времена я сам себе напоминал машину, только более бесцельную, чем мой комп. Значит, требовалось встряхнуться, побывать в какой-нибудь переделке, оказаться в странной и непривычной ситуации... в общем, подумать самому.

Я могу смеяться и иронизировать сколько угодно над тем, что сейчас скажу, но иногда мне кажется, что усложняющиеся и все более запутывающиеся подсказки и команды Приятеля – не только отражение внутренней сложности логической структуры его интеллекта, но и необходимые задания мне, так сказать, тренинги, тесты на сообразительность. Пожалуй, это единственный способ, с помощью которого Приятель может пройтись dr. web-ом по моим дискам...

...Уже можно смеяться!

Подъехав к ближайшей автостоянке, расположенной рядом с целью моей поездки, я заплатил за постой и отправился на собрание клиентов и акционеров.

Лицевая стена здания, где располагалась «Тарасов-Айнэ», была украшена двумя огромными плакатами, которые ночью еще и подсвечивались; там, в комиксообразной форме, весьма искусно, надо сказать, коротко и ясно давалось понять, что человек или фирма, которые не застраховали себя ото всего, что вообще возможно в нашем стремительно текущем, быстроразвивающемся мире, прогорят неопровержимо и бесповоротно.

Охранников было целых пятеро, их всегда легко отличить от посторонней тусующейся или конкретной деловой толпы: по взгляду, по одежде. Они, правда, предполагают, что не особо выделяются среди людей, но гордый профиль, особая прическа, волочащийся сзади парашют...

Я поймал себя на мысли, что неожиданно много пытаюсь шутить, причем желание это исходит не от нормальной веселости, а от нервного напряжения.

«Черт, – подумал я, – да что с тобой, Мареев? Ты, конечно, трус изрядный, но здесь-то что? Полно народу, охрана – что может случиться?»

Но меня не оставляли плохие предчувствия.

Тихонько ныли локтевые суставы, поясница... Строго говоря, за это время я не успел бы переговорить ни с одним нормальным человеком: ведь в большинстве случаев необходимо сначала представиться, чтобы вести тематическую беседу с незнакомцем.

Однако, как подсказывает постоянный рабочий опыт, журналист обычному человеку рознь.

Потому, совершенно не колеблясь, я приблизился к тусующимся репортерам различных изданий, будь то бумажные или радиочастотные (телевидения здесь не было), и, вежливо улыбнувшись, обратился к крайнему, который, кажется, не принимал участия во всеобщей винегретообразной беседе, а внимательно наблюдал за входом в здание.

– Простите пожалуйста... – Он окинул меня быстрым, как

ему казалось, проницательным взглядом.

– Вы, наверное, в курсе всех этих событий? – он, не поворачиваясь, скромно пожал плечами.

– Не подскажете, сколько времени все это займет?

– Часа полтора максимум, – уверенно ответил репортер, сжимая диктофон, и все так же не осчастливливая меня взглядом, – а, скорее всего, минут за сорок управимся с основной частью, а дальше ничего интересного не будет.

– Не понимаю, зачем он устраивает эту встречу, когда у него сына грохнули? – подивился я, в упор глядя на журналиста.

– У вас неверная информация, – ответил тот, впервые поворачиваясь ко мне и снисходительно на меня глядя, – не грохнули, а несчастный случай. – И тут же разъяснил, словно отстающему в развитии: – Павел Петрович Огородников попал в аварию и скончался прямо там. Сгорел заживо. Между прочим, был первый помощник, хоть официально не в должности... – Тут народ стали впускать, и собеседник мой, не извинившись, обернулся к своим, хлопнув двоих по плечам. – Эй, впускают! Давайте быстрее! – В мгновение ока дружеская компания собралась в ошетилившийся локтями и коленями шар и начала прорываться к дверям, распугивая почтенных жителей города.

«Так вот почему в газетах не было официальной похоронки! – догадался я, – По каким-то своим причинам отец сделал из убийства сына автомобильную аварию с летальным

исходом. Но почему? Чтобы скрыть причастность сына к деятельности преступных группировок? Но как все это осуществили практически? Перенесли бескровное тело в машину и столкнули ее со столбом? Любая нормальная экспертиза покажет, что... ах, да, он же сгорел заживо... Тогда понятно».

Раздумывая в таком стиле, я присоединился к довольно вялой толпе отстающих, которым главное было не занять определенное место, а сохранить внешний вид в неприкосновенности.

Так мы и вошли внутрь.

Конференция была довольно интересная, Петр Аркадьевич говорил живо, с юмором, распространяя свое обаяние на пришедших, и вовсе не производил впечатление человека в трауре. В увлекательной форме он поведал о современных трудностях и путях в развитии страхового дела, попутно привел множество примеров о мошенничестве, ни на кого конкретно не ссылаясь, но достаточно прозрачно намекая; убедительно раскрыл весь потенциал собственной мощной и далекопередсмотрящей фирмы, давая понять, что человек или организация, не заботящиеся о своем будущем, не имеют шанса на какой-либо успех, кроме случайного, а также раскрыл всю полноту и гибкость систем и программ страхования, принятых в компании «Тарасов-Айнэ».

На все это у него ушло минут тридцать пять.

Затем потекли вопросы – от журналистов, из зала, там бы-

ли два микрофона.

На вопросы отвечал не только сам Огородников, но и его первейшие помощники – начальник отдела безопасности, старший экономист, а также молодой человек приятной наружности, которого представили как менеджера по работе с общественностью.

Случай с «Эко-Волгой» был рассмотрен без излишних подробностей, но четко и ясно: по представлении отчета от руководства самого банка, в центральном помещении которого возник пожар, нанесший некоторую не упоминавшуюся сумму материального ущерба, страховая фирма провела расследование, в ходе которого выяснилась преступная подоплека. Впрямую уверенность Огородникова и его людей не высказывалась, равно как не упоминались слова «преступление», «мошенничество». – Но разговор о халатности и о возбуждении уголовного дела рисовал безрадостную перспективу всем заговорщикам, желающим получить незаконные деньги со страховой компании.

Затем знакомый голос незнакомого журналиста, с которым мы говорили менее часа назад, из первых рядов задал вопрос, который резко всколыхнул всех присутствующих.

– Петр Аркадьевич, как отразилась недавняя трагическая смерть вашего племянника, Павла Петровича Огородникова, на вашей деятельности и деятельности вашей компании; не считаете ли вы, что это событие каким-либо образом связано с делами покойного: ведь именно он вел расследование

пожара в «Эко-Банке»?!

Шум поднялся такой, что неосмотрительный репортер, наверное, весьма пожалел о своем вопросе и наверняка отругал про себя человека, который навел его на мысль задать – то есть меня.

Похоже, что журналиста вообще могли выставить из зала; по крайней мере, внушительный начальник отдела безопасности фирмы «Тарасов-Айнэ» уже подал сигнал охранникам, но сам Огородников благоразумно остановил его – это произошло быстро и незаметно, но я-то смотрел именно на них...

– Дело об убийстве моего племянника находится сейчас в прокуратуре и ведется компетентными людьми, – ответил Петр Аркадьевич после пояснения общественности, что племянник приходился ему почти сыном, что он нес ответственность за него перед памятью умершего отца молодого человека, что отношения у них были очень родственные и что он сейчас очень переживает, но работа есть работа.

И совсем не дело журналиста, если тот, конечно, человек тактичный, проводить «неадекватные, пошлые и недалекие параллели» между делами покойного и обстоятельствами его гибели!

На этом, в общем-то, заседание и было закончено; были произнесены еще несколько вялых вопросов, на них дали неопределенные расплывчатые ответы, а затем, на прощание, вывели к микрофонам нескольких детей-сирот и вручи-

ли им, по доброй традиции, страховые полисы на совершеннолетие, с неугасающим оптимизмом рассчитывая, что фирма проживет еще долгих десять лет.

После вручения необходимых бумаг и нескольких десятков игрушек для детского дома, находящегося по соседству, представители страховой компании покинули сцену, а народ стал неторопливо расходиться, обсуждая собственные дела.

Я оставался на месте, около левого входа, где простоял всю часовую встречу, внимательно наблюдая за уходящими людьми. И не потратил времени зря.

Конечно, ни одной стоящей внимания компании из четверых девиц здесь не было; даже самая плохо организованная преступность обычно не совершает столь приятного частному сыщику или следователю идиотизма. Но девушку лет пятнадцати, одетую просто и неброско и совершенно не изменившую внешность с момента последней фотографии, сейчас, кстати, лежавшей у меня в машине, я узнал тут же.

А узнав – ощутил, как тело бросило в дрожь.

Это действительно была одна из сбежавших проституток, Марина, и я никак не мог избавиться от давящего ощущения, что сейчас что-то произойдет.

Нет, здесь явно не пахло бомбой под сиденьем, из-за явной глупости подобного шага, и вроде бы речи не шло о покушении – ведь девушка МОГЛА выстрелить в любого из выступавших при всем честном народе, если бы хотела этого.

Значит, она пришла сюда посмотреть и послушать. А все

мои ощущения сводились к привычному волнению человека, ведущего дело, уже связанное с пятью убийствами.

«Все-таки какого хрена она пришла сюда?! – думал я, на некотором расстоянии следуя за девушкой по коридору, затем по ступеням, вышедши из здания страховой компании. – Это же немалый риск! Что они, совсем идиотки, если не понимают, что их будут искать? Или наша встреча столь же случайна, сколь и моя находка во вчерашней газете статьи с упоминанием о сегодняшней встрече?»

В редеющем людском потоке она свернула направо, затем, пройдя квартал, еще раз направо, направляясь по асфальтированному скату вниз, скорее всего к автобусной остановке.

«Черт побери, – подумал я, – за лишнее время на стоянке сдерут штраф!» – жалея, что моя колымага не была рядом.

Однако преследовать на машине автобус, пытаясь не пропустить остановки, на которой жертва будет выходить, останавливаясь за спиной общественного транспорта и тем самым вызывая всеобщее внимание, я не собирался.

Оставалось пожалеть об отсутствии проездного и мелких денег, но все же перейти с мерного шага на бег, когда девушка резко ускорила, увидев выворачивающий автобус.

Я догнал ее и вслед за ней влетел в среднюю дверь, которая за мной и закрылась... прижимая частного сыщика лицом и телом к спине, бедрам и ногам непосредственного предмета его сыска.

Нервы мои дали о себе знать тут же, отзываясь некото-

рой неуверенной дрожью вместе с разноплановым возбуждением – автобус тряхнуло, девушку вжало в меня, меня в нее, она как раз пыталась развернуться, я упирался спиной в дверь – и оказалась у меня в объятиях, инстинктивно крепко схватившись за мои плечи.

– Осторожнее, – миролюбиво посоветовал я, сжимая ее талию и чувствуя жар податливого тела, лихорадочно размышляя, как быть.

– Извините, – сказала она, морщась и одновременно пытаюсь улыбнуться и выпрямиться, но очередной поворот, сопровождаемый явным креном подлой судьбы и ее автобуса в мою сторону, снова прижал нас непозволительно близко, столкнув ее к тому же со средней ступеньки прямо на мои ноги.

Это было как недоступный оргазм – близко, тесно, жарко и удивительно; аромат, шедший от нее, настойчиво пытался уничтожить во мне остатки здравомыслия, она удивленно моргала, не сообразив еще, как нужно извиняться; все население автобуса в едином порыве кричало, надрываясь, что и как оно собирается сделать с водителем, спереди громкогласно отвечали, что он – стажер, и вся эта трескотня вполне понятным образом уводила мои мысли в непозволительную фривольность.

– Ужас! – сказала она наконец, прорываясь сквозь общий гул. – Простите, пожалуйста... я вам не очень ноги отдала?

– Не очень, – ответил я, усмехаясь (друзья говорили, что

обаятельно). – Вам так удобно стоять?

– Мне-то удобно, а вот вам... – Она озабоченно глянула на меня, левой рукой все еще пытаюсь взяться за облеченную в пластик трубу. – Ой, мамочка!.. – Нас опять тряхнуло, ее прижало щекой к моей щеке, очки практически слетели у меня с носа, и, с трудом высвобождая руку и поправляя их, я испытал ощущение полной нереальности.

В самом деле, я не мог представить, что эта красивая и какая-то абсолютно бытовая, домашняя девушка имеет непосредственное отношение к пяти убийствам и к хорошо организованному похищению денег, а также машин с товарами и охраной.

– Вот черт, – тихо сказала она, – он же сейчас останавливается!

– Да он двери не сможет открыть, – многообещающе прохрипел я, прижатый к этим дверям. – Не бойтесь!..

Предсказание сбылось – стажер попытался остановиться метрах в десяти от остановки и открыть двери, но гораздо более опытные, чем он, пассажиры, прижимаясь в дверям спинами, громогласно пожелали ему ехать дальше или просто катиться к черту.

Водитель послушался, и остановка осталась за спиной.

– Нам бы пройти, – посоветовал я Марине, – а то в следующий раз снесут! Вам еще долго ехать?

– Да почти до конца, – ответила она, пытаюсь повернуться боком.

– Вот и мне до конца. Попробуем пройти?

– Угу, – кивнула она, сосредоточенно пробиваясь наверх, встречая на своем пути сопротивление или согласие, в зависимости от желания или нежелания присутствующих выйти на следующей остановке.

Следующие две минуты были сплошным кошмаром – не привыкший ездить в общественном транспорте, я испытал на себе все тяготы и всю боль человека, не ведущего спортивный образ жизни и не умеющего отвечать на ругань и толчки достойным образом.

Однако дальше все пошло не так трудно.

Минут через двадцать автобус пересек невидимую границу, отделяющую поселок Юбилейный от основного Тарасова, а еще через пять минут водитель объявил конечную.

К тому времени мы уже сидели рядом, на свободном сиденье полупустой задней площадки, и успели поговорить об общественном транспорте, погоде, о том, что мои отдавленные ноги совсем не болят, о том, что у нее классные туфли с не менее классными каблуками, о ценах и о преступности, стоящей за каждым крупным предприятием.

Я с чистой совестью и внешне невинным видом изложил свои обывательские представления на этот счет, применительно к «Тарасов-Айнэ», дав ей понять, что также был на встрече с клиентами, и как бы невзначай прошелся по бестактности журналиста, спросившего о погибшем племяннике Огородникова.

– Да кто их знает, – пожала плечами новая знакомая Света (как она себя представила), отвечая новому знакомому Сергею (как себя представил я). – Может, он его сам и грохнул. Не поделили чего-нибудь, вот вам и убийство.

– Очень уж просто, – деланно усомнился я.

– Да что там, – хмыкнула Света-Марина. – Чего им церемониться? Да они за сто пятьдесят тысяч баксов готовы друга друга прирезать!..

Она не пожалела, что сказала эту фразу, потому что внешне слова звучали совершенно невинно. Откуда ей было знать, что этими словами она выдала себя с головой?

– Вы в Юбилейном ориентируетесь? – спросил я чуть позже, когда до конечной оставалось остановки две-три. – А то я к другу, а он только что поменялся.

– Адрес какой? – спросила она.

Адресов поселка я, разумеется, не знал, потому что ни разу в жизни там не был. Вспомнил, что слышал о тамошней преступности, и выдал.

– Я номер дома не помню, но там магазин есть, называется «Юбилейный», он один такой.

– А, – кивнула она, – так это вам лучше на следующей сойти, вместе со мной. Я вам покажу.

Так она и сделала, махнув рукой через дорогу прямо на девятиэтажку, в которой и бытовал этот универмаг.

– Мне в тот же двор – вон в ту арку, – указала на единственный проход в единственный здесь двор, состоя-

щий из четырех высоких домов, поставленных неправильным прямоугольником. Вместе мы перешли дорогу, отдаляясь от неровных и редких зеленых насаждений, за которыми простиралась пыльная равнина, ограниченная полуплоскими холмами, столь частыми в Тарасовской области, и вошли во двор.

– Ладно, до свидания, – улыбнулась она мне напоследок и отправилась в свою сторону, то есть в другой конец двора.

Я проследил за тем, как девушка вошла в подъезд.

Подождал минут двадцать и удостоверившись, что она не выйдет оттуда, отправился на автостоянку, взяв такси.

Итак, эта приятная в общении, обаятельная и красивая девушка без всякого сомнения была одной из четверых сбежавших от Наташи проституток.

Мне предстояло удостовериться, живет ли она в этом доме одна, или там обитают все четверо, понять, чего ради они не смотались как можно дальше из Тарасова, особенно если обладали такими деньгами, как пропавшие и сегодня упомянутые ею сто пятьдесят тысяч баксов, а также с какой стати Марина вообще пришла на встречу с акционерами и общественностью, организованную Петром Аркадьевичем Огородниковым.

Разрабатывая план дальнейших действий, я посетил магазины «Охотник», «Кодак» и «Гиперболоид инженера Гарина», где купил несколько интересных и ранее ненужных мне вещей – мощный бинокль, не менее мощный и дорогой

профессиональный фотоаппарат «Кодак» с двумя наборами пленки и правом на бесплатную проявку ста двадцати кадров, отличный диктофон «Панасоник» с тремя микрокассетами, с двумя сторонами по часу каждая, и охотничий нож, предъявив свою лицензию на право ношения холодного и огнестрельного оружия.

Нож явился предметом отдельного разговора с продавцом, расхваливающим свой товар. Мне показалось, что он очень неплохо разбирается не только в ножах, как в предмете продажи, но и ничуть не хуже в их применении, как оружия.

Поэтому я завел разговор о видео и привел пример последнего американского боевика «Баксы и грязь», в общем-то третьесортного, но с классным парнем, который владел кинжалом очень круто.

Я рассказал, как в одиночку он сначала умудрился перерезать горло одному бизнесмену и утащить его баксы прямо из-под носа моющейся в ванной проститутки, минуя телохранителей, а затем уложил четверых крутых парней, которые за ним охотились.

Мне, откровенно говоря, совершенно не хватало данных, поступивших от Мадам Наташи, особенно в описании этих трупов; но мужик после моего рассказа воспрял духом и принялся объяснять, что это был настоящий профессионал, который долгие годы тренировался драке с ножом, что иначе он пришел бы максимум двоих, а остальные двое его просто изрешетили бы, – ну и так далее, то есть он был уверен, что

здесь действовал профессионал.

Мне, собственно, именно это было и надо, а кинжал пришлось купить как бы в довесок.

Но, что ни говори, за всеми приготовлениями прошло еще около часа, и время было уже самое что ни на есть вечернее – половина восьмого.

У меня не было ни крошки во рту вот уже шесть часов, да и Приятель, скорее всего, уже закончил свой анализ, но времени заехать домой, откровенно говоря, совершенно не оставалось: каждая минута, проведенная вдали от того дома в Юбилейном, грозила обернуться потерей подброшенных счастливой случайностью девок, которые в любой момент могли покинуть пределы города, сделав все свои местные дела.

Поэтому, вооружившись терпением и проверив свой «макаров» да запасную пачку патронов к нему, я направил машину по довольно простой дороге, ведущей к поселку моей мечты.

Юбилейный встретил меня относительным безлюдьем; оставив тарихтелку на попечение противоугонной системе «Кондор» у обочины, метрах в тридцати от арки, я вошел во двор, где догуливали свое дети и начинали нагуливать (или нагубливать) свое подростки.

В подъезде, который около полутора часов назад скрыл от меня Марину, было тридцать шесть квартир – по четыре на каждом этаже. Стучаться в каждую и спрашивать, где

живут четыре красивые девки, представлялось деянием сомнительным по безопасности и продуктивности; я предпочел обвести взглядом все горящие и темные окна, а также балконы, принадлежащие жителям подъезда, – сначала простым, невооруженным глазом, а затем с помощью бинокля.

Он, конечно, оправдал потраченные на него деньги, но совершенно не оправдал возложенных на него надежд: ничего интересного, кроме курящих отцов и танцующих гостей, я так и не увидел ни с той, ни с другой стороны.

Между тем время неумолимо утекало – пока я обошел взглядом все окна, прошел час.

Стемнело; точно отпало двадцать пять квартир, и оставалось одиннадцать, когда я оставил бесплодные попытки, никак не решаясь перейти к более настойчивым и решительным действиям.

Ситуация была какая-то тупиковая: неужели действительно спрашивать про девок у жильцов?!

Ничто не предвещало, что мне снова повезет, желудок вопил о несправедливости бытия, хотелось домой, к Приятелю, проверить данные – но решающую роль сыграла мысль о том, что, если я позвоню сейчас Наташе и дам адрес сбежавших девок, дело, скорее всего, будет закрыто, и очень неплохие деньги, я имею в виду суточные, уйдут от меня безвозвратно.

А кто знает, когда моим потенциальным заказчикам и клиентам взбредет в голову в следующий раз нанять частного сыщика Мареева?!

Я покинул двор и направился к машине, рассчитывая приехать сюда завтра с утра и основать неподалеку наблюдательный пост, где провести дня два-три, сменяя мою тачку на машину Коляна, чтобы не вызвать подозрений.

Машину, как ни странно, никто не угнал; я включил зажигание и, развернувшись на пустой дороге, отправился в город.

Однако в спокойном одиночестве прошли лишь метров четыреста пути – стоящая на обочине женщина, высвеченная моими фарами, голосовала, уповая на жалостливость мужчины, который не мог не заметить двух полностью набитых авосек.

«Ох ты, господи, – подумал я, пригасив фары и притормаживая, – от друзей, что ли, добирается?»

– Не подвезете? – послышалось со стороны двери, она нагнулась, утирая лицо и поправляя косынку.

– Вам куда? – вежливо спросил я, открывая дверь.

– До центра, – ответила она, садясь на переднее сиденье и поворачиваясь ко мне, внезапно забыв о своих оставшихся вне машины сумках. – Сиди тихо, дядя, не ори. – Сказано это было почти ласково, во всяком случае, снисходительно, с расчетом на обывателя, который мог серьезно испугаться и наделать глупостей. Я, в общем-то, тоже испугался, но, во-первых, потому что узнал ее лицо – лицо Катечки, которую так ненавидела Мадам Наташа, а во-вторых, потому, что в руке у нее был небольшой, но явно настоящий пистолет, на-

целенный мне в грудь!

Если бы я успел, я бы дал газу, имея гораздо больше шансов справиться с ней одной. Однако времени мне не оставили: остальные трое уже были рядом, и Катечка с противной улыбкой щелкнула штырьком, позволяя им открыть заднюю дверь.

– В общем, так, – объяснила Катя, втащив-таки обе сумки и захлопнув за собой дверь. – Сейчас ты едешь, как я тебе говорю, назад не оборачиваешься, делаешь все, что я тебе говорю, не пытаешься сбежать или устроить скандал. Если все проходит нормально, я тебя отпускаю. Вместе с твоей колымагой. Если нет, я тебя убью. Понял?

– Понял, – сипло ответил я, не очень-то и стараясь имитировать страх и изумление – все произошло слишком быстро даже для могучего ума и железной выдержки ударника сысского труда Мареева.

– Очень хорошо, – сказала она, в очередной раз поправляя свою косынку, – газуй в сторону Крытого, прямо к цирку. Я буду держать пистолет вот так. – Она показательно опустила его прямо к моему боку. – Дернешься – будешь умирать долго и мучительно. Понял? – Я кивнул. – Тогда поехали... Погоди. – Она с усилием повернула зеркало, не зная, какую услугу оказывает мне – ведь теперь Марина не могла меня видеть, разве что узнать по голосу, которым я постараюсь себя не выдать!

Мы тронулись.

Темнота скрыла меня от них, и лишь когда мы проносились мимо уличных фонарей и освещенных витрин, я сжился, втягивая голову в плечи, и старался выглядеть сгорбленным стариком, скрывая от сидящих горящие глаза, которые попеременно вспыхивали и гасли, отражая неслышную работу процессора маэстро Мареева.

Вот уж повезло как утопленнику!

Анализ данных сообщал лишь два подходящих выхода из создавшегося положения; первый заключался в полном повиновении, согласно которому меня и мою колымагу пообещали отпустить целым и невредимым после выполнения задания. Кто их там знает, чего им нужно?! Уж не грабить ли ночной Крытый – старушек с семечками и хлебушком?..

Второй выход пахивал опасным героизмом и некоторым (читай – большим) риском. Возле Крытого постоянно курсировала милиция. Мне стоило лишь как следует превысить скорость или нарушить любое другое правило у них на глазах, чтобы добиться желанного штрафа, за которым наше ГАИ, как известно, броситься не преминет. Но если Катечка действительно такая сука, как обещала мадам Наташа, и если в элементарной реакции ей не откажешь, пуля действительно могла оказаться у меня в боку... как это ни печально.

С другой стороны, существовал и третий выход, до которого я додумался в последнюю очередь; вернее, и не выход вовсе, а скорее наоборот: заход на новую позицию – позицию частного сыщика, коим я, собственно, и являлся. В конце

концов, мне, частному детективу, расследующему дело о побеге четверых девиц легкого поведения вместе с некоторой суммой наличности, предоставляется потрясающая возможность под видом левого, ни к чему не причастного шофера проследить преступные действия этих самых девок, связанных, возможно, с передачей наличности или еще с чем-нибудь иным, не менее преступным. Кроме того, уже сейчас в деле появился новый отросток – Крытый. Или цирк, прямо к которому мне приказали двигать. Кто там может их ждать? Уж не тот ли самый мужик, экс-любимый Наташеньки? А может, деловой партнер покойного господина Огородникова?

Н-да, возможности мне предоставлялись весьма интересные, да только вот как поручиться за сохранность собственной жизни в такой ситуации?

Тут я вспомнил, что в моем распоряжении имеется некоторая прикупленная накануне днем техника, а именно – диктофон с комплектом кассет. Но стоит дорогим девочкам увидеть содержимое моего бардачка, где находятся и «макаров», и купленный кинжал, и дорогая сердцу лицензия частного детектива, – о, господи, меня уже бросает в дрожь! – так вот, стоит им все это увидеть, мне явный «delete», то есть человеческим языком выражаясь, конец.

Мы въехали в центр, и я несколько сбросил скорость, придерживаясь тридцати в час.

– Подъезжай со стороны фонтана, – приказала Катечка, –

остановишься у серой двери, она там одна такая... вон, видишь? – Там действительно была серая дверь, я даже знал, куда она ведет, – в буфет внутреннего пользования, где у моего друга Фимы Липовского прошла скромная, но вкусная свадьба: тетки из буфета сдавали помещение, а за дополнительную плату еще и готовили.

Кажется, там был проход в подвал, укрытый решеткой с подвесным замком, а также железная дверь, ведущая внутрь цирка, к гардеробу.

Подъехав, я послушно остановился, приняв третью линию поведения (вынюхивание, выслушивание) как единственно возможную в данных обстоятельствах.

– Сиди спокойно, не глуши, сейчас опять поедем, – обрадовала Катя, кивая своим подругам; одна из них выскочила из машины, обогнула ее, оглядываясь по сторонам, – худенькая девушка, в которой я с трудом узнал неулыбчивую Машу с фотографии, где она скромно лежала, обнаженная, на какой-то шкуре перед жарким камином, держа в руках мужской член, который крайне невежливо обрубался краем фотографии.

Меня это неожиданное воспоминание едва не рассмешило, – уж в очень странную переделку я попал! – но я сдержался, вспомнив, что рядом Катечка с пистолетом, и только закашлялся, скрывая подступивший смех.

Маша тем временем успела постучать в дверь несколько раз, похоже, выдерживая определенный ритм. Немного по-

года она что-то сказала, кажется, «Это мы, голубки!» – и дверь приоткрылась, впуская ее. Я разглядел силуэт высокого мужчины, на мгновение показавшегося там. Затем дверь закрылась за Машей, и мы долго, минут пятнадцать, ждали. В течение этого времени вокруг сновали буквально народные толпы, и меня не оставляло ощущение, что все происходящее нереально – уж очень не вязались эти четверо отчаянных преступниц с нормальной ночной жизнью нашего города, где им, длинноногим, более всего подходила роль гуляющих девок или просто развлекающихся подружек, а не женской банды под гордым названием «Голубки»...

Маша вышла из-за двери, когда Катюша уже явно начала волноваться и даже шикнула на зашептавших Марину и Иру, чтоб молчали. Усевшись в мою колымагу, в ответ на немой вопрос всех троих, она довольно кивнула.

Катечка удовлетворенно хмыкнула, окидывая всех троих горделивым взглядом: мол, что я вам говорила, затем повернулась ко мне и нейтральным тоном, почти без угрозы, сказала: – Все о'кей, дядя. – И неожиданно спросила: – Дать денег жене на подарок?

– К-гм! – ответил я, снова кашляя. – Я не женат.

– Ну тогда детям, – пожала плечами она.

– Нет у меня детей, – ответил я сипло.

– Ну а с кем ты там живешь-то?! – уже удивленно спросила чертова проститутка.

– Один! – ответил я, мечтая, чтобы она поскорее отвяза-

лась, и уже выворачивая на Советскую.

– Вот и хорошо, сынок-голубок, – проворковала она, подстраиваясь под имидж немолодой женщины, которой хотела казаться. – Тогда мы прямо к тебе домой сейчас и дунем.

– Чего-о-о?!.

– А чего ты хотел? Думал, я и вправду хотела денег на подарок дать? Ах, бедолага ты наш... – и совсем другим тоном добавила: – Давай, рули, и не выпендривайся! Посидим у тебя, чайку попьем, а часа в четыре утра ты нас свозишь еще в одно место. Там и распрощаемся. Ты за это получишь двадцать баксов, чтоб не держал зла... Согласись, это нормально. А?!

– Нормально, – судорожно ответил я, дергаясь от железного дула, которым она ткнула меня в бок, и лихорадочно соображая, что делать?!

Приятеля рядом не было, и совета могучего интеллекта ждать было неоткуда. Окна, конечно, сквозят... совсем как мои мозги сейчас! Ну какого хрена я такой честный?! Почему не сказал, что пятеро детей, дед-инвалид, тесть – прокурор, а теща – мадам публичного дома, и зовут ее Наталья Батьковна?!

– Ну так езжай побыстрее, – кивнула Катенька, для виду успокаиваясь. А я внезапно понял с пугающей ясностью, что от меня просто так не отвяжутся. Скорее всего все-таки убьют. Ну на кой им оставлять свидетеля, который может спокойно и подробно вспомнить их лица – как-никак чаек

вместе пили?..

Выхода из создавшегося положения я не видел.

Мелькнула эгоистическая мысль – зайти вместо моей в соседскую квартиру Аслана Макарова, надеясь на его быструю реакцию, или на то, что сверзившиеся на мою голову девки предпочтут смотаться вместо того, чтобы грохать двоих, или предпринять еще что-нибудь, более безумное и вряд ли спасительное, но я подавил в себе эти жалкие попытки решить проблему.

Она висела надо мной как дамоклов меч.

А дворик напротив похоронного бюро «Вечность», куда меня, скорее всего, повезут прямо на рассвете, неуклонно приближался. И приближал я его, вместе со своей печальной участью, собственными руками, безнадежно покручивая ба-ранку.

– Здесь? – спросила Катя, когда я приглушил мотор и выключил зажигание, въехав во двор и остановившись на привычном месте под собственными окнами.

– Здесь, – безнадежно сказал я.

– Как идти?

– Вон дверь. По коридору до другой двери. Там больше никого нет.

– А это кто?

– На лавочке? Старушки.

– Я и сама вижу, что старушки. Чего они на нас глядят?

– А куда ж им глядеть? – искренне удивился я. – Они каж-

дый вечерок садятся и отдыхают... от дневного отдыха.

– Ладно, пошли. Обнимешь меня, как будто я тебе любимая жена, и поведешь прямо в спальню, с гордым видом, – приказала она без тени улыбки. – И помни, что твердая железка у тебя в боку – это пистолет. И что он стреляет. Мыто, может, и не убежим, а вот тебе уже все по фигу будет.

– Да я понял, – ответил я уже устало, – давайте быстрее пойдем.

Так вот сыщик Мареев привел к себе домой компанию матерых проституток и преступниц, за душой которых, наверное, числилось пятеро зарезанных мужиков.

– Проходите, – сказал я с некоторой усмешкой (терять было совершенно нечего), – будьте, как дома.

– Ага, – беспечно отозвалась Катечка, несколько (но не окончательно!) расслабившись сразу же, как только шедшая последней Ира закрыла за собою дверь, и став оттого раза в три красивее. – Свет не включай! Девочки, окна!

Девочки быстренько закрыли окна моими грязными занавесками, просматривая через щели двор подозрительными взглядами, а затем деловито осмотрели квартиру, предпочитая ничего не касаться.

– Где кухня? – спросила Катя, а им велела: – Не разуваться. Подотрет.

Мысленно счастливый оттого, что свет все же не включили и Марина до сих пор меня не узнала, я провел гостей на кухню и поставил чайник, раз уж ничего больше делать не

оставалось.

– Ну что, Мариночка, – решила Катя, располагаясь на моем зеленом диванчике, напротив кухонной плиты. – Сходи в комок, купи что-нибудь к чаю. Деньги еще есть?

– Есть, – ответила Марина и послушно поднялась, чтобы идти.

– Я открою. – Попытался было встать, но получил тычок под ребра.

– Сиди! – приказала Катя. – Сама разберется.

Они сидели и негромко переговаривались между собой, обсуждая погоду и хватит ли мне двадцати баксов на возмещение расходов – как-никак бензин, чай, сахар, вода, газ...

Я сидел и думал, что предпринять, пытаюсь одновременно слушать их шуточные издевательства и запоминать их полуразговоры, в надежде, что кто-нибудь скажет что-нибудь... Ничего полезного.

Вернулась Марина, принесла какие-то крекеры, несколько шоколадок, сыр, хлеб и курицу гриль. Поспел чай, я заварил.

– Ну ладно, – удовлетворенно сказала Катя, – теперь можно и свет включить. Эй, хозяин, есть у тебя маленькая лампочка?

Лампочка, прикручивающаяся к столу и прикрепляющаяся к любой поверхности с помощью вакуумного насоса, с четырьмя режимами освещения и несколькими видами ламп у меня была, но, слава богу, в потайной комнате, рядом с Приятелем, равно, кстати, как и вся остальная ценная тех-

ника в доме.

Светились, конечно, причем весьма, телевизор, видак, пылесос и утюг, стоимость которых явно выбивала меня из имиджа престарелого водителя задрипанной машинешки, да и коллекция джинсовой одежды, надо сказать, не способствовала заблуждениям на этот счет... В общем, включать свет мне не хотелось.

– У меня свечки есть, – радостно ответил я.

– На хрен свечки, – удивилась Катя. – У нас что, романтическое путешествие?

– Откуда я знаю, чего вы хотите? – по привычке отшутился я. Шутка имела определенный успех.

– А ты, дядя, не промах, – заметила Катя. – Тащи сюда лампу... хотя, стой, я с тобой.

Мысль залезть в конуру к Приятелю, предоставив им считать, что я сбежал, тут же испарилась.

– Пойдемте, – вздохнул я.

По дороге стукнулся головой о косяк, взвыл, жалуясь на старость и плохое зрение, нацепил очки, лежащие перед телевизором в темном зале, и с чувством внутреннего удовлетворения обмотал «раненую» голову полотенцем, испытывая твердую уверенность, что теперь-то уж Марина меня точно не узнает.

Как только тусклая шестидесятисвечевка зарделась от смущения при виде четверых красивых девиц, Марина взглянула на меня и глаза ее округлились.

Она уставилась на меня, и я понял, что сейчас будет скандал.

– Сережа? – недоуменно спросила она.

И тогда я ответил:

– Сережа.

И вздохнул, изображая изумление, попутно снимая дурацкое полотенце с головы.

Объяснения потребовались тут же: Катя стремительно обрела былой напряг. Приподняв дуло и уставив мертвый черный глаз мне прямо в лоб, она шипела то на Марину, то на меня.

Рассказ о бедственной жизни, остатках бывшего богатства, с основной массой которого сбежала неверная жена, о сомнениях в обеспеченной старости и решении застраховаться от всяческих неприятностей в «Тарасов-Айнэ», о том, как после знакомства с Мариной побыл в гостях и отправился за своей машиной, уже третий день стоящей в ремонте неподалеку, – отправился, кажется, специально для того, чтобы встретить вновь такую симпатичную девушку (это шутка, юмор, немного солнца в холодном поту, который катился по моей спине во время насквозь лживого рассказа).

Катя недовольно и выразительно покачала головой, сплюнула прямо под стол и заметила:

– Уж очень подозрительное совпадение получается.

Однако ничего особенно невозможного или даже редкого в подтасованной моим рассказом действительности не было

– подобные совпадения встречаются в жизни довольно часто. Особенно в совершенно небольшом поселке Юбилейном, где водителей машин, скорее всего, насчитывалось не более полутысячи. А тех, кому могло приспичить в ночь отпраздновать в центр, – и того меньше. Раз эдак в пятьсот!

Так что придаться оказалось не к чему, и чайная церемония пошла своим неторопливым ходом.

Прикидываясь верящим в человечность преступниц, я делал вид, что совершенно спокойно рассчитываю на двадцатку и на последующее расставание обоюдодовольных сторон, лез с ненавязчивыми расспросами – мол, как таких красивых девушек угораздило встать на такой опасный путь; как же это они умудряются соперничать с мужчинами? При этом вопросе девушки встрепенулись, на лицах появились гримасы. Катечка немедленно кинула в пространство острый взгляд, и пересуды тут же улеглись. Да, дисциплина у них была поставлена как надо.

Разговоры текли живо, хотя и негромко, как-то спокойно и расслабленно, а также совершенно безрезультатно для обеих сторон, если исключить тот факт, что девушки убивали время, чтобы потом убить меня; в ответ на мое актерство они добросовестно делали вид, что принимают меня за «нормального парня», «за «своего» заложника, с которым классно иметь дело и которого непременно отпустят после этого самого «дела...», а потом будут открыточки на Восьмое марта присылать.

Надо всей этой развеселой беседой царила атмосфера страха.

Боялся я – боялся неожиданного выстрела, незнания планов этой преступной шайки, собственного бессилия. Боялась Катечка, нервно сжимавшая свой черный пистолетик, все время поглядывающая на часы. Боялась Марина, изредка бросая на меня едва заметные взгляды, полные скрытого сомнения, горечи, выдержанной, как старое вино, боялись все пятеро, каждый своего. Хрупкая Машенька, кажется, боялась крови, моей крови – когда меня будут убивать...

Я, кажется, догадывался, чего в это самое время боится Приятель, мерно гудящий вентилятором за скромную сумму долларов. Он боялся не получить новый процессор с кэшем невменяемых размеров.

А еще, наверное, боялся, подлец, что его расчеты, как всегда, верны и выхода у меня нет. Никакого.

Я, разумеется, успел убедиться, что ни пистолетов, ни другого оружия у девок не было – лишь начальница Катя была вооружена.

Но Катечка, кажется, была готова к любым неожиданностям, всегда настороже.

Блядь!!!..

Извините...

– Все, – сказала наконец Ира, черноволосая красавица, которая, судя по внешнему виду, опасалась чего бы то ни было менее всего – наверное, в силу природного легкомыслия. –

Хватит набиваться, подруги. Ты, Маря, и так уже переела. У тебя перебор калорий в четыреста.

Ирочка, судя по всему, была у этой четверки чем-то типа инструктора по красоте, фигуре, спорту и питанию, потому что все, даже Катя, тотчас перестали жевать.

Не обращая на меня особенного внимания, а потому не особенно стесняясь, поразминались, повыгибались, сначала едва шевеля стройными телами, а затем, когда негромкое ритмичное похлопывание Ирины резко участилось, просто начали показывать класс гимнастики, – крутили животами, изгибались, легко подпрыгивали.

Я смотрел очумело и небезразлично – дружок по кличке Тузик, который лучший друг человека, который мужчина, привычно дал о себе знать.

Весьма приятным образом.

Мне, правда, удалось тут же успокоить всякое волнение, снова посмотрев на ситуацию снаружи. Внезапно показалось, что все происходящее – дурной сон, чужой и непонятный.

– Голова кружится, – правдиво объяснил заинтересовавшейся моей бледностью и нелепым морганием Мариной, совершенно справедливо подумав: «Дурдом!»

– Выпей аналгину, – приказала Катя. – Тебе еще машину вести. Тут, правда, не очень далеко. Но все равно.

– Нам еще сколько ждать?

– Пока не позвонят, – ответила она.

Именно в этот момент зазвучал сотовый Катечки, до того скрытый чревом ее дамской сумочки, которая, в свою очередь, покоилась в утробе хозяйской авоськи, с помощью которой я был заторможен два часа назад.

Говорить стала Маша, и я вспомнил, кстати, что именно она ходила за серую цирковую дверь говорить с каким-то мужиком.

– Да? – спросила она в наступившей тишине.

– ...голубки? – послышалось оттуда.

– Да. Это Маша.

– ...готов... два!

– Значит, через час сорок восемь! – подытожила Маша, с некоторым возбуждением сверив часы. Остальные (а времяизмерителем вооружена была каждая) так же сверились с текущим моментом во имя согласованности действий в будущем.

– Да, будем около фонтана все пятеро. С водителем.

– ...как?

– Да ничего, – ответила Маша, взглянув на меня и даже немного улыбнувшись. – Тихий такой... нет, ничего он не сделает. Мы ему деньги пообещали. Он мужик нормальный... Да... Хорошо. Пока. – И отключилась.

Нормальный мужик понял, что где-то в два часа по полуночи планируется что-то нехорошее, связанное с участием пятерых здесь присутствующих, а также того или тех, с кем они должны были встретиться в условленном месте.

Но что?

Ограбление банка? Дома? Заказное убийство? Передача денег? Наркотиков?.. Данных явно не хватало.

– Ну что, – подвела итог Катечка, пряча телефон в чехольчик, подвешивая его на пояс и обводя нас строгим взглядом. – Готовьтесь, сукины дочери. И ты, Сережа, готовься... надо бы остограммитесь перед делом. Марин, сбегай за «Эвридикой».

Марина послушно принесла водку, которую мы молча распили.

– Выезжать будем без десяти два, – пояснила Катя. – Как выедешь на Советскую, вези нас к горпарку, но не к центральному входу, а по дороге, которая спускается с севера, с холмов. На нее можно выкатить с Октябрьского. Понял, как?

Я кивнул, лихорадочно размышляя, что предпринять. Мысленно представил, как «ломается двигатель» или «барахлит мотор», и понял, что нет... Я ведь не супергерой, а всего лишь серьезный и аккуратный сыщик. Который, кстати, тоже хочет жить. И не любит рисковать.

А делать-то что?

Когда прикончили водку, до выезда оставалось чуть больше часа.

– Водитель, – вдруг спросила Ира. – А есть ли у тебя карты? – А когда я кивнул, повернулась к подругам: – Сыграем?

– А почему не сыграть? – пожала плечами Катерина, после

рокового звонка сразу же смягчившаяся до неузнаваемости.

– «Дурак»? – спросила по каким-то личным соображениям именно у меня Ирина, тасуя принесенную колоду.

– «Переводной», – с откровенной улыбкой оглядывая ее тонкие умелые руки и почти совершенное лицо, ответил я.

– Сдавай, – распорядилась Катечка, и карусель взглядов, насмешек и ухмылок, сопровождаемая метанием карт на стол, чертыханием или выдержанным кривлянием, которое умело практиковали эти женщины, понеслась прямо вперед полным ходом.

Поминутно я ловил на себе заинтересованные женские взгляды и думал о том, что ни я, ни, скорее всего, они не имели секса уже достаточно время... так что непонятно, чего в данной ситуации хотелось больше – убежать или подрочить.

Но подростковый оптимизм, который пробуждало во мне это многоглазое женское внимание, гасился, причем весьма жестко, постоянным самонапоминанием о тяжести и безысходности ситуации, в которой я оказался.

К моменту, когда до двух осталось пятнадцать минут, я успел продуться в пух и прах четыре раза. И меня не оставляло неприятное чувство, что надо мной издеваются, маскируя доброжелательностью, панибратством и юмором грядущее убийство.

– Не везет в картах, – спокойно заметила Маша, – повезет в любви.

Черт, если бы я мог тогда знать, как именно мне повезет!..

– Хватит, подруги, – прервала Катечка, поминутно смотревшая на часы, – собирайтесь. Надо еще прогреть машину.

Осень на дворе стояла холодная и дождливая.

А потому колымага моя действительно нуждалась в некотором прогревании.

Двор был пуст. Девочки набились в машину; как и раньше, Катя сидела впереди.

– Я пистолет убираю, – вопросительно изогнув бровь, сообщила она. – Мы ведь договорились?

Это было или отличным знаком, или отвлекающим маневром. Приняв к действию второе предположение (логика учила исходить из самого худшего варианта), я все же с осторожной улыбкой кивнул:

– Договорились, конечно!

– Дуй к Октябрьскому ущелью.

Я дунул.

Город спал: не было практически никого. Дороги серыми лентами текли впереди, так и норовя забраться под колеса моего авто... а у меня по-прежнему не было никакого плана.

– Да, сворачивай туда, – указала Маша, предлагая ответвление, которое затем должно было привести нас к «черному входу» в горпарк.

Я свернул.

И именно посередине этой дороги, в удаленности от поселений Октябрьского ущелья, и вблизи от жилых кварталов у городского парка, моя глюкавая машина встала.

Приятель, скорее всего, проклял бы технику и потребовал немедленного апгрэйда, а вот я мгновенно покрылся потом, соображая, что сейчас будет.

– Что там? – холодно спросила Катя, остальные настороженно молчали.

– Двигатель, – бессильно ответил я. – Она старая... надо посмотреть.

– Смотри, – кивнув взгляд на часы, кивнула Катя; в руках ее появился пистолет, она полезла за мной, приказав девкам следить за дорогой во всех направлениях.

– Что с ним?

– Хрен знает, что с ним. Может, пальцы. – сострил я.

– Ты давай поправляй, – ледяным тоном приказала Катечка, не спуская с меня глаз, в том числе и круглого, пистолетного. – А если мы опоздаем!..

Я мысленно пожал плечами, ощущая приобретенный иммунитет к угрозам и многочисленным опасностям, и занялся колымагой.

Результат оказался неутешительным: старый драндулет совсем развалился.

Катечка разве что не зарычала, когда я сообщил ей об этом.

– Твою мать! – заорала она, заражая энтузиазмом девчонок в машине, которые также начали тихонько переругиваться, окидывая меня разнообразными взглядами.

Да, жизнь не сулила ничего хорошего.

Я лихорадочно соображал, в который раз за эту ночь ежесекундно оказываясь в новом тупике, и вывод из всего этого рождался лишь один, причем напрашивался сам собой: хреновы мои дела, ой, как хреновы!..

– Значит, так, – словно о чем-то крепко задумавшись, Катечка окинула взглядом пустую автостраду и спящий город далеко отсюда...

– Значит, та-а-ак... – повторила она, отворачиваясь и внимательно глядя куда-то в сторону, словно найдя некий выход из сложившейся ситуации. Затем кивнула решительно и показала куда-то за моей спиной: – Вон, смотри...

Мгновенно сообразив, что происходит, я сделал вид, что поворачиваюсь, и, шагнув вбок, схватил руку с пистолетом, выворачивая ее назад, вырывая пистолет, всем немалым весом и силой своей швыряя Катечку на асфальт. Краем глаза я заметил, как судорожно задвигались девки, выбираясь из моей машины. Катечка как-то хитро повернулась и врезала коленом мне в пах; но мне так хотелось жить, что я успел со всего размаху ударить ее лбом в переносицу.

Из глаз Кати брызнули слезы, смешиваясь с кровью, обильно текущей из носа, побелевшие пальцы разжались, и я все-таки отшвырнул орущую и шипящую Катечку на землю. Ира и Марина еще только выскакивали из машины, пистолетов у них не было, равно как и другого оружия, – или слишком дорого стоили для начинающей банды, или они не успели их еще приобрести, или просто Катя не доверила столь

опасной вещи в руки своих девчонок – в любом случае, мне это было только на руку.

– Стоять! – заорал я, уставив пистолет в грудь вылезшей уже, самой ближайшей ко мне девушки – Ирины. – Руки за голову! Не двигаться!

Они замерли.

Катя на земле замерла, шмыгая разбитым носом.

Я замер, решая, как именно с ними поступить. Н-да, удача второй раз предоставляла мне великолепный шанс – я мог прямо сейчас отправиться к ближайшему телефонному автомату, чтобы вызвонить Наташу и сдать наконец это опасное дело!

– Сейчас вы залезете обратно в машину. Ее – указал на Катю свободной рукой, – тащите с собой. Одно неверное движение – и я стреляю. Учтите, на учениях я выбивал не ниже восьмерки на всех мишенях.

Они учли, бессмысленно и бессильно переглянувшись.

– Все понятно?

– Не-а, – сказал наглый мужской голос где-то за спиной. – Ниче не понятно!

Все дернулись синхронно – и я, и девки, и лежащая Катя. Сзади стояли двое мужиков и злорадно ухмылялись. Оба держали в руках пистолеты, направленные на меня. Подошли они, очевидно, на шум, так как никакой машины в пределах досягаемости видно не было.

– Непонятно, как вы, голубки наши, такого уroda до пуш-

ки допустили, – ласково продолжал один из них, ростом пониже. – А еще непонятно, какого хрена опоздали на уговоренное место.

– Это понятно, – мрачно заметил второй мужик, настоящий громила, кивая на открытый капот моей машины.

– А-а, вот оно как, – задумчиво протянул первый и тут же обратился ко мне: – Ты пистолетик-то брось, родимый. А не то убьешься невзначай. Им надо уметь пользоваться.

– С-сейча-ас! – заикаясь в крайнем испуге, ответил я, начиная медленно опускать пистолет дулом вниз, вытягивая руки, будто сейчас уроню на землю.

– Только вы не стреляйте! – взмолился я, не прекращая невыносимо медленного процесса.

– Да мы и не будем стрелять, – примирительно заметил низенький. – На кой нам стрелять-то?

Именно в этот момент я и прыгнул – не на преступников, чтобы их незамедлительно покарать, не на одну из девушек, решившись взять ее в заложницы, а просто пролетел, ведомый вдохновенной жажды жизни, над обочиной и Каткой, проломил придорожные кусты и, слегка петляя, помчался вперед, углубляясь в лесные овраги.

Вслед мне прожужжало несколько неточных выстрелов, но все они ушли куда-то мимо. Лес чистосердечно и добросовестно защитил бегущего частного детектива.

Но бежал я недолго, а по мере бега стремительно сообщал, что делать дальше, поглубже загоняя клокочущее во

мне торжество.

Наконец остановился, укрывшись непроницаемой стеной деревьев, и стал решать.

Итак, я убежал от преступников, освобожден – с неожиданной для самого себя решимостью. Верно говорят: к стенке припрет, так наверх полезешь. Отбежал я, кажется, всего метров на двести, что в лесу составляло порядочное расстояние. Видеть меня они не могли, слышать – тоже, потому что я стоял тихо и смиренно.

А вот если бы злонамеренные жлобы и сопровождающие их девицы решились преследовать отважного беглеца Мареева, добрые осенние листики и веточки, трещащие под ногами при каждом шаге, предупредили бы меня о таком преследовании издали.

Поэтому свобода моя теперь была гарантирована. Ну как они могут найти и уж тем более догнать меня?

Кроме того, если на шестерых у них всего два мужицких пистолета, победа по очкам может и вовсе оказаться у меня – стреляю я действительно неплохо, и если драка все же завяжется, шансы всецело на моей стороне, если только я сумею напасть первым, неожиданно, и уложить одного из мужиков.

Это, конечно, кровожадные мысли, но для того, чтобы лишить частного детектива его свободы на расследование, необходимо изрядно постараться.

«Короче, Мареев! – приструнил себя. – Думай о будущем! Не забывай о деле!»

Дела были весьма и весьма запущены.

Несмотря на очевидные успехи и продвижения в заказанном мне деле, а гонорар мой, включающий доплату за непредвиденные опасности и трудности, рос как на дрожжах, несмотря на то, что я ознакомился с каждой девушкой поименно и в лицо, несмотря даже на то, что я знал ближайшие планы банды, хотя и весьма смутно, я снова упустил девиц из виду.

Судьба дважды предоставила мне потрясающую возможность – вести расследование из уникального положения человека, которого в этом ведении следствия никто заподозрить не мог... И если в первый раз я все проделал отлично, узнав, где базируются проклятые девки, то второй раз я их явно упустил.

За двести метров, в центре скрежещущего по ветру, шепчущего, шелестящего со всех сторон леса никаких человеческих голосов, равно как и автомобильных фырканий и гудений, слышно не было: быть может, мои девки вместе с двумя особо опасными вооруженными преступниками в данный момент пробирались в моем направлении, уловив внезапный обрыв панического шелестения и треска, издаваемых удирающим шофером, и поняли, что я засел где-то неподалеку.

Но, скорее всего, девочки уже объяснили мужчинам, как добраться до моей квартиры, и сразу же после срочного дела, за которым они вообще собрались встретиться этой промозглой сырой ночью, они собрались нагрянуть ко мне до-

мой. Потому что свидетель я получился первоклассный. Таких убивают без раздумий и промедлений.

Итак, передо мной, исходя из положения, в которое я попал, появилась развилка из трех возможных дорог. И, честно говоря, ни один выбор меня не устраивал полностью.

Можно было, конечно, помчаться домой, вызвать милицию, дать показания, или хотя бы переговорить с Наташей. А главное, навестить своего ненаглядного – без Приятеля и его железной машинной логики я чувствовал постоянную опасность за спиной, а это, поверьте, еще более неприятно, чем находиться на улице голышом.

Да, атлон сейчас так и ждет моего доклада, чтобы, пощелкав немного, выдать серию умопомрачительных советов типа «окна сквозят»...

Но отправляться домой, оставляя на обочине свою машину, где в бардачке лежат «макаров», лицензия, кинжал, диктофон... Мне не светит сесть за деяния какого-либо преступника только потому, что орудием какого-нибудь убийства станет мой «потерянный» пистолет.

Да и лицензия частного детектива, поверьте мне, не такая уж безделушка.

Однако вторая дорога, связанная с риском возвращения на место преступления, была еще менее привлекательна.

И уж совсем не нравился мне третий вариант, черт его побери: проследить преступников и преступниц, раз уж я знаю, где должна состояться их встреча...

Нет, как хотите, а пойду-ка я к машине и постараюсь побыстрее двинуть домой – не хватало еще ввязаться в перестрелку!..

Мареев, откровенно говоря, далеко не Черный Плащ. И не Рейнджер Великих Лесов. Поэтому ходить бесшумно у него даже по асфальту не получается.

Однако тихие голоса людей, спрятавшихся за моей машиной, стали слышны еще до выхода на шоссе.

Меня, конечно, ждали – то ли отложив все дела, то ли уже успев договориться на основные темы. Вернее, проводя дипломатические беседы прямо здесь.

Если я правильно понимал ситуацию, в беседе, вялотекущей метрах в двадцати от меня, речь могла идти только о двух вещах: судьбе пропавших ста пятидесяти тысяч долларов, если девицы все же принимали участие в их похищении, или о «крыше над головой», то есть о конкретной принадлежности новой женской банды под кодовым названием «Голубки», члены которой собирались заниматься преступным бизнесом всерьез и надолго.

Катечка наверняка понимала, что новички в таком бизнесе – прямая мишень для разгневанных профессионалов, которыми Тарасовская область, откровенно говоря, кишела. А потому умная девочка поспешила заполучить себе хозяев... Но правильно ли я все это понимал?

Вопрос невыясненный, и на выяснение его мне отводится весьма нестандартная ситуация, требующая нестандартных

подходов.

Вот и расследуй, Мареев...

Голоса между тем стихли: или чертовы девки договорились с мужиками, или просто замолчали, чтобы прислушаться.

Н-да, они все-таки ждали меня. Не могли поверить, что я способен бросить даже такую колымагу, как моя.

Правда, у меня был пистолет.

Но убивать никого не хотелось. Это ведь не слишком похоже на самооборону: что потом скажу в суде? А собственной совести?

ТЬфу, черт! Ну, гуманист проклятый, это полный даун! Завис! Трехпальцевый салют? Reset?! Или просто вилку из розетки? Хватит думать, действуй! Думать за тебя будет Приятель, а тебе до него необходимо добраться! И побыстрее!

На прорыв?

Я прикинул, оценивая собственные шансы: вся компания сосредоточилась в кустах рядом с дорогой. Ни одной машины по этой захолустной дороге так до сих пор и не проехало; если я прямо сейчас рванусь к двери с другой стороны, залезу в нее и успею включить зажигание, прежде чем...

Тут я мысленно выругался матом: машина-то сломалась, причем сама, а не по моей изощренной хитрости!

Страдать так, не появляясь из лесного укрытия, я мог бы довольно долго.

Однако мои подследственные, очевидно, этим временем не располагали, потому что внезапно, посчитав, наверное, что чертов шофер и вправду умотал отсюда со всех ног и что жизнь ему дороже собственной старой машины, стали вылезать из кустов, не таясь.

– Хрен с ним, – огласил вердикт низенький. – Нам бы с вами успеть разобраться, девочки!

– Без пятнадцати, – прокомментировала Катечка, наверное, имея в виду без пятнадцати три. Надо же, а времени прошло совсем немного!

– Пошли, – скомандовал второй мужик, настоящий верзила.

Пнув ногой мою несчастную колымагу, видимо, страдая от избытка чувств, он возглавил колонну демонстрантов, устремившихся вперед по шоссе к какому-то, мне неизвестному объекту или цели.

Я выждал минут пять, убедившись, что все действительно стихло, пригнувшись, сиганул к машине. Открыл дверь, не разгибаясь, залез, всякую секунду ожидая выстрела из засады.

Но никаких попыток нападения не последовало. Выпрямившись, я открыл бардачок и, удостоверившись, что ничто там не тронуту, извлек свой «макаров», заменив его на дамский пистолетик, ненаглядный сотовый телефон, а также купленный накануне диктофон.

Вставил кассету и пристроил аппарат на поясе брюк так,

чтобы поудобнее было нажать на кнопку «запись», когда понадобится. Во мне все еще боролись различные мнения, но чувство долга подавило все. Пригнувшись, я вылез из машины, закрыл дверцу и, не мешкая, направился по следам марширующей колонны преступников.

Прошло ведь минут шесть-семь, а за это время можно уйти куда угодно.

Логика, а также чутье на опасность, которое развито у всякого человека, часто имеющего с нею дело, подсказало мне, что приключений на свою голову нужно искать в темной громаде городского парка, охраняемого только в светлую часть суток, да и то не милицией, а скорее уж доблестными ветеринарами, следящими за драгоценным здоровьем отпущенных на выгул лебедей.

До входной арки, черного входа, ведущего в парк, и сейчас, разумеется, закрытого, я добрался благополучно и беззвучно, никем, кажется, не замеченный.

Если они вошли сюда, то как же они это сделали?

Поискав возможный вход, я практически сразу же обнаружил, что два железных прута в ограде в десяти метрах слева от входа широко раздвинуты чьей-то богатырской рукой; между ними не составляло труда протиснуться и более дородному человеку, чем я. Очевидно, этим ходом пользовались часто – судя по протоптанной тропинке.

Я внимательно огляделся, прислушался и, не заметив ничего подозрительного, пролез за ограду.

Это была самая дальняя часть парка, что находилась вдали от прогулочных сквериков, она скорее напоминала дремучий темный лес, куда нежданно-негаданно затесались несколько скособоченных, покрашенных в серый цвет одноэтажных строений, – склад, домик лесника, еще что-то...

Колонны беглых проституток нигде не было видно и даже слышно.

На всякий случай я пробежался по когда-то аккуратной асфальтированной дорожке, выискивая незаметные с первого взгляда тропинки. Не найдя ничего похожего, я вздохнул и направился вперед по дорожке.

От этого прямого пути, как оказалось, через некоторое время отступала тропинка.

Что-то подсказало мне, что идти нужно именно по ней. В этот момент раздалось придушенное мужское: «Держите, суку!» и вслед за тем сухой хлопок пистолетного выстрела через глушитель.

Рванувшись в сторону, я пропустил появившийся из-за поворота вихрь, бывший, кажется, проституткой Ирой, на всех парах мчащейся вперед, не разбирая дороги, схватил свой «макаров» на изготовку, шагнул навстречу выворачивающему из-за угла верзиле из тех, пришедших к моей машине, и выстрелил в упор, не успев как следует подумать.

Грудь его расцвела чернеющим в ночи цветком, грохот моего необремененного глушителем выстрела прокатился по всему парку, я снова отступил в колючие высокие кусты

осенней смородины, скрывавшие меня с головой, услышал женский крик, звук удара, и, понимая, что сейчас все кончится, и мне некого, кроме сбежавшей Ирины, будет искать для очаровательной Мадам Наташи, бросился вперед, заслоняясь левой рукой от бьющих по лицу ветвей. Выскочив на истоптанную небольшую поляну с покосившейся деревянной беседкой, я инстинктивно прыгнул влево, обернулся, не опуская пистолета, и увидел стремительно разворачивающегося низенького, в руках которого блеснул черный пистолет, а в глазах – недоумение и страх; он вскинул оружие, а я выстрелил, как на стрельбище.

Он начал валиться с жутким перекошенным лицом, прямо на сгрудившихся девиц – Катечку, Марину и Машу, на которых брызнули кровь и мозги из простреленной головы мужика.

Тот наконец-то упал и замер в нелепой позе убитого, окончательно и бесповоротно мертвого человека.

Воцарилась немая сцена.

– Е... твою ма-ать... – минуты три спустя протянула потрясенная Катечка, сообразившая, что в них стрелять я не намерен, а потому пока что они живут. И тут же, как по команде, девочки стали вытирать со своих лиц все это месиво.

– Где же ваша благодарность? – спросил я, опуская, кстати, пистолет и, так же устало, как они, вытирая рукой пот. Колени, между прочим, были словно ватные.

– Э-э-э... – содержательно ответила Катя, лихорадочно

раздумывая, чего бы такого сказать или сделать. Мне захотелось открыто ядовито усмехнуться. Судя по всему, мы просто поменялись ролями.

– Спасибо, – ответила Марина, и в голосе ее я разобрал огромное облегчение.

– Спасибо, – подтвердила Маша, изо всех девиц единственная, сохранившая видимое спокойствие.

Но и к сученьке Катечке возвращались ее привычные решительность и наглость.

– Ты чего тут делаешь? – спросила она.

– Вас спасаю, – нервно хмыкнул я, все еще не в силах прийти в себя после убийства двух человек.

– Что будешь с нами делать-то? – спросила Маша, обращаясь ко мне, как к хозяину положения.

– Надо Ирку искать! – взволнованно вставила Марина.

– Ну вот что, – решил я, понимая, что на мои два выстрела весь парк в ближайшие минут двадцать наводнится милицией, которая довольно скоро обнаружит тела.

– Что? – невежливо спросила нервная Катечка, дергая плечом в волнении.

– Займемся вашим спасением, – решил я наконец я.

– Нашим спасением? – удивились все трое.

– Это как? – уточнила Катя.

– Вы в моей машине отпечатков не оставляли? – осведомился я, отвечая вопросом на вопрос.

– Я проинструктировала, – утвердительно кивнула заин-

тересованная поворотом быстротекущих событий Катечка.

– Тогда марш искать Ирину, а с ней срочно ко мне домой. Я дам вам ключи, мой адрес, надеюсь, помните. К утру пешком дойдете.

Она с изумлением уставилась на меня и, сузив глаза до состояния щелок, с холодной подозрительностью осведомилась:

– С чего ты взял, что мы станем тебя слушать?

Я издевательски улыбнулся в ответ.

– Да мы по дороге убежим! – хмыкнула Катя, явно вызывая меня на ответную реакцию.

Я улыбнулся еще более издевательски, выразительно посмотрев на часы.

– Да кто ты вообще такой? – взорвалась предводительница отряда шлюх, сжимая в ярости кулаки и подаваясь вперед.

Тут-то и наступил мой звездный час.

– Вы причастны к убийству Павла Петровича Огородникова, клиента публичного дома Мадам Наташи, а также к похищению ста пятидесяти тысяч долларов («Сколько??!!» – прошипела совершенно белая Катя, вбирая мои слова, словно иссушенная долгим одиночеством губка) и пропаже двух машин с товаром, за которые и должны были заплатить этими деньгами. На вас охотятся ФСБ, мафия, прокуратура, милиция, несколько частных детективов и телохранители самого Огородникова-старшего. В большинстве случаев те, кто первый найдет вас, решат вашу участь еще проще и эффек-

тивней, чем эти покойные непрофессионалы. Бежать вам некуда. У вас даже оружия нет – ни одного пистолета! Я гарантирую вашу смерть в течение недели... Но...

– Ну?!! – взвились они.

– Я предлагаю вам помощь и защиту, – ответил я, – в обмен на правдивую информацию. Я не работник органов, поэтому не собираюсь упереть вас в тюрьму. Всего лишь поговорить.

И замолчал.

Они также молчали, и мне пришлось снова выразительно взглянуть на часы, чтобы вывести их из транса.

– Ты кто такой? – тихонько и испуганно спросила присмиревшая беленькая овечка Катя.

– К вашим услугам, частный детектив Валерий Борисович Мареев!

– Че?!.. – по-прежнему содержательно спросила недоверчивая сучка Катька.

– Милиция сейчас сюда приедет, вот че! – не выдержав, воскликнул я. – Лови ключи! – Бегом ко мне домой и сидите там, как мышки! Я отчитаюсь перед ментами и к утру приеду! Тогда и поговорим! Времени нет!

Катечка поймала ключ на лету точным и кратким движением руки. Мгновение мы глядели друг другу в глаза: она – испытующе, я – негодующе.

Наконец она решила, что действия, предлагаемые мной, по крайней мере, не ведут к мгновенной смерти или увечью

никого из членов ее банды и перед уходом только вопросительно бросила: – Заложить?

– Вы мне еще нужны, – правдиво ответил я, мысленно подсчитывая неперемные награды за проявленный героизм и удержанное достоинство. – А ну, бегом!

Они убежали, и только некоторое время еще слышались приглушенные призывные крики: «Ира! Ира, твою мать, ты где?! Ира, сюда!»

Я постоял, вспоминая удивленный и многообещающий взгляд Маши, слабую улыбку Марины и уважение Катечки – все чувства, за краткую минуту мелькнувшие в их блядских (ведь правда же!) глазах. А затем утихомирил пальцесуставную дрожь и набрал 02.

– Алло, милиция? Говорит частный детектив Мареев Валерий Борисович. Я нахожусь в городском парке и только что застрелил двоих мужчин. Это была самооборона, у них обоих есть оружие... Нет, не знаю... Да, я вас жду. Слушайте внимательно, как пройти...

Домой я притащился страшно измученный, окончательно уставший, часов в пять утра. Починенную вызванным мастером машину поставил, как обычно, под окна дома, расплатился в долларах. Хотелось в душ, смыть с себя грязь убийства и допроса, забыть складное, но от начала и до конца лживое объяснение случившегося.

А так же сбросить весь груз накопившихся проблем? На-

пример, что делать с оставшимся в живых верзилой, которого моя пуля только ввела в пограничное состояние? Через недельки три он придет в себя и, возможно, заговорит, осознав, где очнулся.

Дело мое с проститутками будет к тому времени, скорее всего, уже закончено и даже подзабыто, но проблема останется, и ко мне в квартиру нагрянет любознательный следователь с вооруженным помощником.

Опять же, с девочками следовало сначала разобраться – мне отчего-то не хотелось звонить Наташе и сдавать пойманных.

После всего случившегося я мыслил исключительно эмоциями и усталостью, мне явно не хватало рассудочности и правильности приятельского мышления...

А как, кстати, незаметно пройти в комнату с компьютером, оставляя девок дожидаться результатов его решения?

Звонок в дверь. Вот так бы и стоял всю жизнь – прислонившись гудящим лбом к холодному косяку.

Тихие осторожные шаги. Молчание.

– Откройте, девочки, это я, Мареев... умирающий на пороге собственной квартиры.

Открыла Катя. Прищурившись, глянула мне в лицо. Затем оглядела с ног до головы. И неожиданно рассмеялась.

– Ну проходи, приبلудный, – и отошла, пропуская. Маша, Марина и Ирочка стояли поодаль. Судя по состоянию их волос и по тому, что каждая из них нашла в моем гардеробе

нечто приглядное, девочки уже успели и вымыться, и принарядиться.

Я закрыл за собою дверь и, разоблачаясь, отвечал на вопросительные взгляды.

– Был в участке. Потом повезли в прокуратуру. Еще раз десять ходить придется. Потом – суд. Думаю, оправдают. Никаких доказательств вины. Вот только этот, высокий, – он выжил. И, скорее всего, через месяцок, как раз к суду, очень и очень разговорится... – Посмотрел на их обеспокоенные, недовольные случившимся лица и добавил: – Как вы сейчас.

Ира нервно усмехнулась.

– Прошу на кухню, – величественно приказала Маша.

– О, боже! – потрясенно вымолвил я, вступая в этот адский притон, стараниями выловленных и отобранных у смерти проституток ставший на краткое время райским уголком.

Все чисто, выскоблено, блестит, посуда, самое интересное, на своих местах, и на столе – ни крошки. Только сверкающая посуда. И аккуратно нарезанный сыр, салями, соленые огурцы лизановской фабрики, рядом со сгрудившимися бокалами стоит сухое белое вино.

– А это – тебе подарочек, – улыбнулась удивительно поспежившая после ванной Ирина, указывая на два переполненных ведра: мусорное и бельевое, которое они заполнили сухим мусором, впервые за несколько месяцев заботливо собранным со всех урожайных уголков моей плодородной

кухни. – Выносить нам показалось опасным. Марина и так уже за продуктами ходила. Скажут еще, что у тебя появились сразу четыре любовницы! – Все девочки, как одна, разом захмылялись.

– Э-э-э... – столь же содержательно, как они в парке, теперь ответил я, оглядывая уставленный едой и посудой стол. – Н-да-а-а...

– Нам очень приятно, – за всех ответила Марина и улыбнулась мне как-то по-особенному. Спать сразу же расхотелось, и тотчас потянуло в ванную, – мыться, мыться и мыться – нужно же быть готовым к... о, господи, чего это я?! Их же четверо! Уединиться с одной, оставив остальных? Да и вообще, искать женской страсти и ласки во время расследования... не по мне. Не привык заниматься посторонними делами... хотя очень хочется.

Все-таки я слишком привык к одиночеству. И к случайным женщинам. Которых всего лишь хотел.

Стряхнув наваждение, я помотал головой и, пожав плечами, оценил:

– Немыслимо. Грандиозно. Вы превзошли все мои ожидания... девочки. Пойду-ка я вымоюсь. И мы все вместе как следует поедим.

Так мы и сделали. Ополоснувшись, я на время забыл о сонливости и усталости, раздумывая о разговоре с девушками и предвкушая встречу с Приятелем, которому должен был обстоятельно рассказать обо всем произошедшем, доло-

жив также о своих мнениях, соображениях, чувствах и страстях.

Завтрак, обед и ужин сразу же был великолепен до полного отпада. Так меня не кормили с детства – в холодильнике и духовке поварихи спрятали и гриль, и холодные закуски, и различные приправы, как магазинные, так и приготовленные здесь же.

Вино имело потрясающий запах и, главное, вкус, а вставшие молчаливой четверкой девочки внезапно выдали мне короткую благодарственную речь.

– Ты нас спас, – сказала Катя. – То, что ты частный сыщик – подарок судьбы. Как и то, что у тебя был пистолет. Но то, что ты сам отправился нас спасать после того, как я хотела тебя убить – это только твой героизм... Как тебя зовут?

– Валера. Я ж уже представлялся.

– Забыла. Ну-ка, Ирочка, посторонись... – она дотянулась до меня и крепко поцеловала в небритую щеку. – В очередь, девочки, – приказала остальным.

Мне оставалось только стоять, смотреть, ощущать их такие различные поцелуи – энергичный Иры, романтический Маши и нежный Марины. И стремительно, неудержимо краснеть.

– Сейчас вообще мужики настоящие, можно сказать, перевелись, – заметила Катерина, по-хозяйски меня оглядывая. – Мало их осталось.

Разомлевшие от горячей еды и отличного вина, девоньки

только кивали да причмокивали.

Меня снова неудержимо потянуло в сон.

– Давайте-ка поставим кофе и поговорим, – сказал я, вынимая любимые «Соверен» и закуривая.

– Все будет исполнено, почувствуй себя, как дома, – уверила Ира, по-хозяйски принимаясь за выполнение поставленной партийной задачи.

– Итак, – выкурив пару сигарет, выпив крепчайший из мерзких кофе и пожевав губами, как это делал кто-то из великих сыщиков, начал я необходимый разговор. – Сразу честно признаюсь, девочки, я в этом деле не без своего интереса. Ищу пропавшие сто пятьдесят тысяч баксов по заказу фирмы. А также подозреваемых в убийстве Павла Петровича Огородникова четырех проституток вместе с пятым участником побега – мужчиной, любовником некоей Мадам Наташи, который, скорее всего, прямо в этом деле. Я вышел на вас после знакомства с Мариной – угадал, что кто-нибудь из вас появится на встрече, которую устраивает Огородников-старший для журналистов и клиентов компании.

С этого момента я мог позвонить в фирму и сдать вас.

Но у меня есть собственные соображения по этому делу. Излагать их вам я не собираюсь. Но они засчитываются в вашу пользу. И поэтому я хочу, чтобы вы откровенно и подробно рассказали мне все с самого начала. Пока это все, что мне нужно.

– Ну, говори уж, – пожав плечами, кивнула Катя в сторону

Маши. – Скрывать больше нечего.

– О'кей, – изящно приподняв плечи, согласилась Маша. – Начну сначала. Мы все четверо работали у Наташи, каждая около двух лет. Только работать на нее еще то удовольствие, скажу я тебе. У нашей мадам ручки очень цепкие, с коготками. А к другим она не отпустит. У нее большие связи.

– Лучший бордель в Тарасове! – хмыкнула Катя, и непонятно было, чего в ее голосе больше – гордости или презрения.

– Элитный! – со значением добавила Ирина, скривившись, как от кислого яблока.

– В общем, я тебя не буду загружать всей этой мелочью, типа как, с кем и по сколько мы спали и что показывали клиентам. Это, в общем-то, не самое страшное и противное. Мы сами выбрали профессию. Но Наташа несколько раз подставила своих же девочек, и поэтому до нас дошли слухи... то есть Мишаня, этот ее любовник, сказал нам, что собирается мотать от нее за границу. И нас предупредил, что она ему в постели выболтала ненароком про свои планы. Проговорилась, что готовит для нас четверых нечто особенное.

Мы сообразили, что это связано с Огородниковым и Куриловым – нам про обоих рассказывали. Оч-чень крутые ребята, оба – практически главы самых серьезных группировок в своих городах. Контролируют все, что только можно. Ты, кстати, что-то говорил про пропавшие товары, за которые должны были заплатить эти сто пятьдесят штук. Так вот, до-

роги в Тарасовской и Красноярской областях они же и контролируют. Мы собрались все вместе и решили что-нибудь предпринять. Что угодно. Мы не знали ни про деньги, ни про товары. Ни про планы Наташи. Кстати, про них мы так и не узнали.

Где-то за три часа до того, как должен был начаться наш «сеанс», к нам пришел Миша. Он предложил бежать вместе, а потом расстаться. Он сказал, что у этого клиента имеются огромные бабки, тысяч тридцать долларов, и он должен их передать Курилову. Именно здесь и сейчас. Мишенька предложил нам вылезти в окно, через оконную раму, которую он оставит приоткрытой, и с чемоданом сбежать по скату крыши, спрыгнуть в сад и добежать до Мишкиной машины.

– Бли-и-ин! – воскликнул я, хлопая себя по лбу. – Оконные рамы сквозят! Так просто!.. Хм... не обращайтесь внимания, девочки... это я так – проверяю свои версии. – И замолчал, мысленно ругая себя последними словами. Это действительно было очень просто.

Даже слишком.

– Михаил будет ждать нас, – между тем продолжала Машенька, пожав плечиками, – мы отправимся в Москву, там деньги разделим на шестерых – нас, его и его приятеля, который устроит обмен долларов на марки, потому что, скорее всего, номера этих долларов переписаны, и от них нужно будет срочно избавиться.

Мы согласились почти сразу же. В этом плане многое за-

висело от нас самих.

И мы так измотали наших клиентов, – впервые за серьезный монолог Маша улыбнулась, – что через полтора часа они напоминали две тряпочки. Тем не менее Курилову пришлось ехать за какими-то документами, а Огородникова мы загрузили в горячую ванную, дали снотворного и даже на прощание сделали массаж.

То есть проблемы никакой это не составило.

Мы уселись в машину, где уже сидел Михаил, – у нее были тонированные стекла, – отъехали на два квартала от нашего Дома и стали ждать. Минут через пять подбежал этот его приятель, высокий такой, худой, я тебе потом подробнее его опишу, мы с ними уже встречались. Он сел в машину, и помчали.

Миша сказал, что теперь у нас все будет хорошо, и нужно только дождаться, пока обменяют деньги. И мотанем, кто куда хочет.

Мы переночевали в квартире этого парня, циркача, а утром обнаружили, что ни его, ни Мишеньки нет.

И никакой записки.

Нас просто и легко кинули.

Мы, разумеется, решили отомстить. Катя раздобыла пистолет, связавшись с одним из своих старых клиентов, и мы отправились в цирк, искать друзей этого циркача. Так как оставаться в этой квартире было опасно – Миша, скорее всего, уже навел на нее людей Огородникова, – мы смотались от-

туда и полдня ждали на улице. А ночью поймали твою машину. Вот, в общем-то, и все. В цирке я переговорила с этими двумя, которые сказали, что за определенную плату помогут. Я обещала им проценты с нашей общей доли. И мне совершенно непонятно, чего ради они решили нас убить. Скорее всего циркач из города не уехал, а залег на дно. А нас решили убрать, как свидетельниц. А ты нас спас.

Вот так все и случилось.

– А почему «голубки»? – спросил я, раздумывая над услышанным.

– Это Катькина идея, – пожалала плечами Маша. – Вроде как кодовое название. Просто и ясно.

– Просто и ясно, – кивнул я и замер в задумчивости.

Долго замирать не пришлось: время, знаете ли, не терпит. Несмотря на кофе и возбуждающий (не то, что вы подумали) рассказ, меня неуклонно, если так можно выразиться, клонило в сон.

– Ну вот что, – сказал я, прикинув предварительно, где разложу спать девиц. – Сейчас мы ляжем спать, потому что нам всем нужен отдых. Я от себя лично предлагаю вам защиту и сотрудничество. Правда, в чем оно будет выражаться, я смогу сформулировать только завтра утром... то есть сегодня утром на свежую голову. («Когда Приятель изложит мне свои собственные формулировки». – подумал я.)

– Да уж, – кивнула Марина. – Лично я просто падаю с ног.

– Треволнения, знаете ли, – многозначительно согласи-

лась Маша, обнаружив в себе не только способность изящно пожимать плечами, но и знание некоторых слов, дополнительных к словарю Элочки-людоедки.

– Двое из вас могут улечься в моей спальне, на моей кровати – Катя и Маша мгновенно переглянулись и кивнули с готовностью, наводящей на твердые и обоснованные предположения с моей стороны. – Еще одна уместится на этом диванчике, – я показал на кухонный диван, всегда служивший полигоном для моих любовных походов, поползновений, подпрыгиваний и других ритуальных телодвижений любовной игры. – А последнюю из вас я могу положить в зале. – Тут я вымученно скривился, представляя себе, с какими предосторожностями придется проникать в computer room, чтобы не потревожить спящую девушку.

Порешили простым и понятным образом – зеленый диванчик достался той, которую я на этом месте и хотел бы видеть – Марине, наиболее привлекательной для меня девушке; Ира, соответственно, заняла место в зале.

Я постелил себе тут же, на полу, тем скудным, что у меня еще осталось от белья и одеял. И сразу же лег, пожелав спокойного утреннего сна квартиранткам поневоле.

Честно говоря, совершая все эти благодеяния, я искренне надеялся на скорый и крепкий сон всех четверых.

Но ожидания мои были обмануты самым катастрофическим образом: я успел задремать (за что впоследствии не раз проклинал свою нелестную силу воли), когда горячие влаж-

ные губы начали неторопливо и со знанием дела по мне прохаживаться, начиная с подбородка и вырываясь на раздолье волосатой груди.

Между делом, пока губы будили спящее тело, руки Ирины (разумеется, это была она) не дремали: они продолжали раздевать меня. Я попытался укоризненно взглянуть насильнице в глаза, но тут горячая, прямо пылающая жаром страсти рука крепко ухватилась за искомое сокровище, Ирочка радостно охнула, и тут же ее губы устремились вниз, к источнику наслаждения.

Откровенно говоря, я не особо размышлял – мне, как видите, просто не оставляли никакого выбора; я устремился в бой, и к ласкам Ирины добавились мои собственные. Она закрыла глаза и застонала, когда я посадил ее, куда следовало, наклонилась к моему лицу и стала целовать теперь уже его. Я отвечал на поцелуи, и скоро разгоряченное тело сторицей отблагодарило меня за предоставленные для наслаждения возможности.

Скажу честно – давно я не хаживал по таким райским садам.

Но рай для меня превратился в ад, как только Ира уснула, вернувшись из ванной, и там оказался я.

Обернувшись на скрип двери, я, стоящий в чем мать родила, как на привидение уставился на совершенно голую Катечку, немного сонную, но откровенно готовую к новым боевым действиям.

...Она была более умелой и не такой торопливой, как спортивная Ирочка, и в какой-то момент я просто отдался на волю страстям, позабыв обо всем.

– Ах ты... Мареев!.. – приглушенно воскликнула она, выгибаясь назад, мягкостью бедер вжимаясь в мою плоть, охватывая ее все плотнее и плотнее, раскрывая себя все глубже и глубже. – Ах... как мне хорошо...

– Тоже... – простонал я, удвоив усилия...

– ...Вся твоя... – шептала она...

– Спокойной ночи, Мареев, – сказала Катя, облизнув сухие губы, стирая ладонью пот с лица. – Давай мойся... ты сегодня еще напляшешься.

– За что? – Я, в общем-то, не слишком переигрывал, изображая комический ужас: слабость накатила объемно и тяжело.

– А спасать не надо было, – улыбнулась моя Катя, погладила опавшего дружка и вышла, усмехнувшись на прощание.

Я вспомнил ее глаза, изгибающуюся шею, губы, тянущиеся к моим губам... и усмехнулся в ответ на ее усмешку. Вот ты какая, жесткая сверху Катечка... хотя наверняка это всего лишь профессионализм. Так сказать, высокий класс.

Похоже, заискрился огонек тревоги, девицы всерьез решили отблагодарить меня за свое спасение, причем все сразу, хотя и по очереди.

Вспомнилась присказка одной из них: «В карты не везет, повезет в любви»... Мог ли я предполагать, что так повезет?

Впрочем, сейчас я занимался не только и не столько сексом, а главное – усыплением безнравственных девиц, открывающим мне великую дорогу – к недремлющему и способному оценить по достоинству мои подвиги Приятелю!

...Маша скользнула в проем двери, когда я отмокал в горячей ванной, напрочь позабыв о контрастном душе и надлежащей силе воли. Я открыл глаза на легкий шорох, да так и застыл с улыбкой на губах. Несколько мгновений я не сомневался, что рядом со мной – самая красивая и желанная из всех женщин мира – стройная, тонкая, с высокой грудью, одним видом обещающая райское наслаждение.

Это был полный reset – я обхватил ее руками и затащил к себе в ванную.

Я верил в ее стоны и судороги горячего тела, я отчаянно желал иметь ее постоянно, всегда.

– Не спи, Валера, – сказала она, тихонько глядя мое уставшее тело. – Ты просто великолепен. Я всегда говорила, что лучше холостяков на свете нет мужчин.

– Лесть гнусна, – ответил я гнусавыми словами классика, закрывая глаза и бессильно раскидываясь на софе.

– Мы еще не кончились, – не переставая гладить, объяснила Машенька. – А вот и Марина.

– Я больше не смогу. У меня не встанет. Я уже сплю.

– Встанет, – негромко рассмеялась Марина, и я представил улыбку на ее полудетском лице. – Уж я тебе обещаю.

Машины шаги стихли, и я открыл глаза.

Марина сидела рядом и молча улыбалась. Руки ее гладили мое измученное любовным жаром тело.

– Он устал, – сочувственно произнесла она, касаясь распластанного липкого дружка. – Для начала мы его вымоем.

Влажным полотенцем вытерла мокрые остатки и пощекотала поникший член.

– Марин, сколько тебе лет? – спросил я, силясь понять, насколько детским выглядит ее лицо.

– Пятнадцать, – ответила она. – Я младшенькая... и я лучше всех это делаю.

Спросить что «это», я не успел – потому что Марина, тоненькая нежная Марина опустила голову и продолжила щекотку языком. Затем в работу включились мягкие пухлые губы, потом добавились прикосновения рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.